

Лидия
ЧАРСКАЯ

*Повести
и рассказы*

Лидия Чарская

За что?

«Public Domain»

1910

Чарская Л. А.

За что? / Л. А. Чарская — «Public Domain», 1910

Настоящая книга – первая часть автобиографической трилогии Л. А. Чарской, писательницы, пользовавшейся широкой известностью в начале XX века. Возрождение интереса к творчеству Чарской в последние годы во многом связано с ее умением сочетать динамичный, порою даже авантюрный сюжет с внутренним психологизмом своих героев. Описывая переживания девочки, отданной в Павловский институт в Петербурге, Чарская погружает читателя в атмосферу закрытого женского учебного заведения, не скрывая и темных, порою трагических сторон их жизни.

© Чарская Л. А., 1910

© Public Domain, 1910

Содержание

ВМЕСТО ВСТУПЛЕНИЯ	5
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	8
ГЛАВА I	8
ГЛАВА II	10
ГЛАВА III	13
ГЛАВА IV	16
ГЛАВА V	21
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	26
ГЛАВА I	26
ГЛАВА II	29
ГЛАВА III	33
ГЛАВА IV	40
ГЛАВА V	43
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Лидия Алексеевна Чарская

За что?

Эту повесть детской души посвящаю дорогому отцу и другу.

*Детства дни – луч солнца яркий,
Как мечта прекрасный луч.
Детство – утро золотое,
Без суровых, мгlistых туч.*

*Как ни грустно горе в детстве,
То, что мнилось им тогда,
То пустым, ничтожным кажется
После, в зрелые года.*

*И охотно вновь ребенком
Я б желала снова стать,
Чтоб по детски наслаждаться,
И по детски же страдать...*

ВМЕСТО ВСТУПЛЕНИЯ

Розы цвели и благоухали... Небо смеялось, и старый сад светло улыбался жаркой июльской улыбкой...

В глубоком кресле на веранде, облитой потоками золотых лучей, сидела больная. Ее бледное, усталое, изнуренное лицо, впалые, безжизненные глаза, ее прозрачная кожа и исхудалое тело говорили о продолжительном недуге.

Взгляд больной покоился на прильнувшей к ее коленям голове молодой женщины, которая приютилась у ее ног.

Эта молодая женщина составляла полную противоположность больной: она казалась воплощением жизни, несмотря на печальное выражение глаз, с любовью и сочувствием устремленных на больную.

Взор больной встретился с этим взором, пытливым и любящим... Легкий вздох приподнял исхудалую грудь... Что-то влажное и блестящее сверкнуло в глубоких страдальческих глазах. Больная положила свою прозрачную, исхудалую руку на русую головку, покоившуюся на ее коленях, и проговорила:

– Дитя мое! Не знаю, поможет ли мне небо юга, к которому меня посылают врачи, и долго ли я проживу на свете... Быть может нам не суждено больше увидеться... А потому у меня к тебе просьба... возможно, что уже последняя в жизни... Я уверена, что ты мне не откажешь...

Сухой прерывистый кашель прервал речь больной. Она откинулась на подушки, а когда приступ кашля прошел, продолжала слабым, тихим голосом:

– Наши жизни сплелись так тесно, так крепко... Судьба сблизила нас. Ты помнишь, какую огромную роль я сыграла в твоей жизни? Ты помнишь, сколько горя, злобы и вражды осталось позади нас; сколько ненависти было до тех пор, пока ты не узнала меня, моя девочка... Мы обе были виноваты. Я, смело войдя в твою жизнь, не смогла понять твою гордую, свободную, как птица, душу и невольно наносила ей одну сердечную рану за другой... Ты, возненавидя меня, замечала во мне только одни недостатки и видела в каждом моем поступке лишь темные

стороны... Почему так распорядилась судьба? От чего она не сразу дала мне ключ к сердцу моей девочки? За что мы обе страдали так долго? Ты своей ненавистью и злобой ко мне, я – видя полное бессилие унять это чувство... Но, слава Богу, все это минуло как кошмар, как гадкий сон, как темный осенний вечер... И теперь, когда я завоевала любовь моей девочки, мне хотелось бы вспомнить то далекое, темное время, которое не вернуться уже никогда, вспомнить именно теперь, когда, может быть, я последние дни вижусь с тобой...

Голос больной слабел с каждой минутой... Это не был уже обычный человеческий голос: звоном голубиных крыльев, шелестом ветра, тихим журчанием реки веяло от него...

– Нет! Нет, мама! Не говори так! – с жаром воскликнула молодая женщина, прильнув горячим поцелуем к исхудалой руке. – Ты должна жить, жить для нас дорогая... Должна!.. Для семьи, для отца, для меня!.. Неужели же я нашла мое сокровище, мою маму, что бы потерять ее снова? Ты должна жить ради того, что бы дать мне возможность загладить все то зло, которое я причинила тебе когда – то невольно...

Легкая улыбка заиграла на печально красивом лице больной.

– Выслушай мою просьбу, девочка, – произнесла она тихо – тихо, чуть слышно. – Твои детские годы, вся твоя жизнь сложилась так странно и необычно, совсем не так как у других. И, по воле судьбы, мне пришлось в этом сыграть немалую роль... У тебя, я знаю, есть много юных друзей, которые жадно ловят каждое твое слово... Открой же им историю твоей жизни, твоего странного детства, расскажи им одну истинную правду без прикрас... А так как наши жизни сплетены так тесно, то это будет и повесть о той, которая тебя так любила, и которую ты так долго не могла понять... И пусть твои юные друзья узнают хорошие и плохие стороны одной человеческой души. Кто знает? – быть может эта правдивая история принесет пользу другим. Быть может им не безынтересно будет узнать о девочке, мечтавшей стать принцессой и оставшейся Сандрильоной. Увы! Сандрильоны встречаются чаще, много чаще чем принцессы!.. А одна гордая странная душа не хотела согласиться с этим... Быть может история этой странной души научит слишком гордых смирению, слишком несчастных одарит надеждой. Быть может, иных она наведет на размышление как трудно иногда нам понять наших близких, как легко – несправедливо их осудить, возненавидеть... Я знаю что тяжело будет тебе раскрыть целый ряд тайн и шаг за шагом описать твою жизнь не щадя себя... Но ты сделаешь это для меня и для тех, которых считаешь своими друзьями....

Новый приступ кашля прервал речь больной.

– Да, да... Я исполню твое желание, дорогая! – ответила стоявшая на коленях молодая женщина. – Клянусь тебе что, исполню все, что ты попросишь у меня! Я напишу всю правду, открою заветную тайну моей души, я расскажу им о той женщине, которая отплатила любовью за муки, лаской за вражду... Ты понимаешь меня, дорогая?

Глаза больной широко раскрылись. Улыбка счастья заиграла на лице.

А розы цвели и благоухали. Чудная сказка из зелени, солнца и цветов искрилась, сияла и тихо лепетала о чем – то кругом и над ними.

Вскоре больная уехала к другому солнцу, к другому небу и розам. А когда вернулась вполне поправившейся, здоровой и бодрой, она нашла у себя на столе объемистую рукопись, написанную по ее желанию.

* * *

Эта выздоровевшая больная моя вторая мать, а та, которая исполнила данное ей слово, – я.

Я написала мою повесть о самой себе, рассказала историю моего странного детства, открыл в ней всю мою душу...

Исполняя волю моей дорогой, я отдаю эту повесть вам на суд, мои милые юные друзья. Вероятно, многое в этой повести покажется вам странным, многое вызовет ваше недоумение. Быть может даже самый способ рассказа, в иных местах фантастический, полусказочный, вызовет ваше недоумение, покажется вам странным. Но – прочтите все до конца, и тогда вы поймете, чем объясняются эти кажущиеся странности, тогда только вы, узнав характер той, которая писала эту повесть, в состоянии будете объяснить себе ее странности.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА I

О чем шептали старые сосны

Синим сапфиром горело небо над зеленой рощей.

Золотые иглы солнечных лучей пронзали и пышную листву берез, и бархатную хвою сосен, и серебряные листья стройных молоденьких тополей.

Ветер рябил изумрудную зелень, и шепот рощи разносился далеко – далеко...

Старые сосны шептали:

– Мы знаем славную сказку!

Им вторили кудрявые, белоснежные березы:

– И мы, и мы знаем сказку!

– Не сказку, а быль! Быль мы знаем! – звенели серебряными листьями молодые, гибкие тополя.

– Правдивую быль, прекрасную как сказка! Правдивую быль расскажем мы вам, – зашептали и сосны и березы и тополя разом.

Какая-то птичка чирикнула в кустах:

– Быль! Быль! Быль расскажут вам старые сосны. Слушайте! Слушайте их!

И сосны зашептали так тихо и так звонко в одно и то же время, что маленькая девочка, приютившаяся под одной из них, самой пышной и самой красивой, услышала все от слова до слова.

И правда: то была не сказка, а быль. Славная быль – сказка!

Жил на свете человек – шептали старые сосны, – прекрасный как солнце, с золотым сердцем, полным благородства и доброты. «Честность и труд» было его девизом, с которым он вступал на жизненный путь.

Жила-была, так же, девушка на свете, нежная, как цветок мимозы, кроткая как голубка, любимица семьи.

И встретились они оба, – и прекрасный как солнце, человек и кроткая, как голубка, девушка. Встретились, полюбили друг друга и поженились...

Ох, что это была за жизнь! Что это было за счастье! В сказках только встречается такое. Но так как жизнь не сказка, то в жизни нет полного счастья...

Стоял январь. Гудела вьюга. Метель плясала и кружилась над серым городом. Люди спешили в церковь. Было воскресенье. И в этот день у счастливой пары родилась дочь, малюсенькая, малюсенькая девочка с живыми серыми глазами.

У колыбели девочки сошлись четыре добрые волшебницы, – или нет! не волшебницы, а, вернее четыре добрые, простые девушки, родные тетки новорожденной, сестры матери, лежавшей в соседней комнате на смертном одре.

– Какое странное лицо у девочки! – сказала старшая из теток, Юлия, поклонница всего таинственного – помяните мое слово, она не долго проживет, эта девочка.

– Что ты! что ты! – замахала на нее руками вторая из сестер, Ольга, стройная, высокая с добрым, ласковым лицом. – Дитя должно жить, будет жить нам на радость... И если что – либо случится с сестрой Ниной, – мы вырастим малютку и все четверо заменим ей мать.

– Да, да! Она будет наша! – произнесла третья сестра, Лиза, полная, голубоглазая, тридцатилетняя девушка, с мягким ласковым взором, скрытым очками. – Клянусь, я заменю ей мать.

– Сегодня воскресенье, – произнесла самая младшая из сестер – Капитолина, или Линушка, как ее звали в семье, и ее жизнерадостные карие глаза, оживляющие некрасивое, но чрезвычайно симпатичное лицо, остановились на девочке, – ребенок родился в воскресенье! А воскресные дети бывают обыкновенно счастливы.

– Девочка будет счастлива! Она должна быть счастлива! – хором подхватили сестры.

И вдруг им почудилось, что кто-то легкий и призрачный, приблизился к ним и встал между ними и колыбелью. Какая-то серая фигура под капюшоном, с видом монахини, что-то легкое, воздушное, как сон... Серая женщина неслышно скользнула к колыбели и, склонившись над ребенком, как будто поцеловала его.

– Это судьба! – шепнула Юлия, первая, заметив призрак. – Судьба поцеловала дитя!

– Судьба поцеловала ребенка! – вторила ей Лиза и опустила голову.

Когда она подняла ее, призрак уже исчез. Четыре сестры были теперь одни в комнате. Серая фигура словно растаяла в сумерках. И тогда они все четверо окружили колыбель. Дитя лежало с открытыми глазами и – странно! – почудилось ли сестрам или нет, но легкая улыбка играла на крошечных губах шестичасовой девочки.

– Необыкновенный ребенок! – прошептали все четыре тетки разом.

Вдруг порывистый стон метели пронизал их слух.

– Как воет ветер! – прошептала Лина, – вы слышите, как стонет выюга за окно?

Но то не выюга стонала. Она ошиблась, Лина. На пороге стоял бледный, как призрак, человек с дикими блуждающими глазами. И из груди его рвались судорожные вопли:

– Скорее... к ней... к моей Нине... Она умирает!..

* * *

В ту же ночь прекрасная, кроткая душа Нины Воронской улетела на небо... Малютка Лидия осталась сиротою...

Вот о чем шептали старые сосны, и их звонкий шепот неся далеко, далеко...

ГЛАВА II

Моя особа. – Прекрасный принц и его осел. – Ливень

– Лида! Лидок! Лидюша! Лиденчик! Лидок-сахарок! Где ты? Откликнись, девочка!

Откликнуться или нет! Я зажмуриваюсь на минутку и сладко потягиваюсь, как котенок. О, как славно пахнет соснами! Тетя Лиза, моя вторая мама, живущая с нами в доме, говорит, что это очень здоровый запах. Значит не грех им надышаться вволю, досыта. И потом, здесь так чудесно в зеленой роще, где я представляю себя заколдованной принцессой из тетиной сказки, а деревья великанами-волшебниками, заморозившими меня... И мне решительно не хочется никуда идти.

– Лида! Лидушка! Лидок-сахарок! – надывается резкий голос.

О, я знаю, чей это голос: это моя няня Груша.

– Пусть, пусть покричит! – соображаю я (потому что хоть мне только четыре года, я все-таки умею соображать).

Я не люблю няни. У не злое-презлое цыганское лицо. Она строгая, сердитая и никогда не играет со мной и не рассказывает мне сказок, как тетя Лиза. Она только любит нарядить меня, как куколку, и вывести на прогулку в большой парк, в большой Царскосельский парк (мы живем в Царском Селе, недалеко от этого парка), где есть такое чудное прозрачное озеро с белыми лебедями. Тут няня садиться на скамейке и вмиг ее окружают другие няньки.

– А ведь наша Лидюша здесь наряднее всех, – говорит няня, с презрением оглядывая прочих детей в простеньких костюмах.

Няньки зеленеют от злости, а моя няня продолжает рассыпаться по моему адресу:

– И красавица она у нас на диво!

Ну, уж с этим никто из них не может согласиться... Что меня нарядили, как куколку, это верно, но что у меня вздернутый нос и толстые губы, этого никто уже не станет отрицать.

– Ну, уж и красавица! Мальчишка какой-то!

Няня обижается и тут начинается спор, во время которого я непременно падаю и разбиваю себе нос до крови. Тут на «красавицу» летит целая буря нареканий, выговоров, упреков.

Нянька из себя выходит, а я начинаю реветь от незаслуженной обиды. Несмотря на то, что я совсем еще крошка, я отлично понимаю, что не любовь ко мне руководит похвалами няни. Просто ей приятно иметь такую нарядную девочку на руках – и только. Конечно, я не могу любить такую няню и рада – радешенька, убежать от нее.

– Лида! Лидок! Лидюша! Лиденчик! Лидок-сахарок! – раздается опять голос.

Откликнуться разве?

Нет, не откликнусь я ей ни за что на свете! Ведь не скоро еще удастся убежать в этот чудный уголок...

И я с наслаждением растягиваюсь в мягкой мураве.

Нянькин голос то приближается, то удаляется. Очевидно она бежит по роще, прилегающей к нашему саду, где мне строго-настрого запрещено ходить.

Так что ж, что запрещено? А я иду туда все-таки! Я уверена, что никто не рассердится на меня и не накажет. Меня запрещено наказывать. А что будет злиться няня, то мне решительно все равно. Ведь я божок семьи. Тетя Лиза так и говорит всегда: «Лидюшка – наш божок».

Отлично быть божком семьи, не правда ли? А как приятно сознавать, что все и всё кругом созданы для тебя только, исключительно для тебя одной!..

Няня покричала, покричала и умолкла. Верно ушла искать меня в саду. Очень рада. Теперь она не скоро вернуться и я могу отлично поиграть в свою любимую игру. А игра у меня всегда одна, постоянно.

Я – принцесса, принцесса из тетиной сказки. Во всех моих играх я или принцесса или царевна. Ничем иным я не могу и не желаю быть. А эти деревья кругом – все они злые волшебники, которые наложили на меня свои чары и не дают мне выйти на свободу. Но я знаю, что если найти заколдованный меч, то я могу им проложить дорогу к воле. И я внимательно осматриваюсь по сторонам в надежде найти его. И вот чудесный меч найден. Ура!

Я вижу огромный сук в траве и, обхватив его обеими моими слабенькими ручонками, поднимаю его над головой. Теперь злые волшебники-гиганты побеждены.

Моя фантазия летит все вперед и вперед, быстрее птицы. Злые волшебники уже низко склоняются предо мной и почтительно провозглашают хором: «Да здравствует прекрасная принцесса и чудесный меч!»

Колдовство разом рушится, чары исчезли, гиганты-великаны расступаются прямо передо мной и я, как подобает настоящей принцессе, выступаю важно-преважно со своим суком-мечом. Путь открыт предо мною и я спешу к выходу из волшебного леса. Я знаю отлично, что прекрасный принц ждет меня на опушке. Он пришел освободить меня, но не успел. Волшебный меч попал мне в руки, а не ему, и я сама победила им злых волшебников.

И помахивая суком, я с гордым видом шествую между деревьями к выходу из заколдованного леса, то есть из рощи.

– Ха – ха – ха! Вот смешная девчонка! Смотри Савельев! – слышится веселый хохот за моими плечами.

Оглядываюсь и положительно разеваю рот от удивления.

Прекрасный принц передо мною. У него чудесные глаза, яркие, как звездочки, и пышные белокурые локоны выются по плечам. Но всего удивительнее то, что прекрасный принц приехал на осле за своей принцессой. Положительно – на живом, настоящем осле с огромными ушами и таким смешным видом, точно он уже совсем, совсем глупый осел.

Прекрасный принц сидит на осле, которого ведет под уздцы высокий, загорелый человек в солдатской шинели.

Я невольно замираю от восторга при виде очаровательного мальчика и не менее его очаровательного осла.

– Прекрасный принц – кричу я, – вы опоздали, и я сама освободила себя волшебным мечом!

И я низко-низко приседаю перед белокурым видением.

И мальчик и солдат начинают так хохотать, точно их щекочут. Не понимаю, что они нашли смешного в моей особе? Право, до сих пор я была лучшего мнения об уме мальчиков и солдат.

И вдруг ко всему этому прибавляется что-то необычайно шумное, гулкое и громкое, как труба. Что за звуки! Боже! Боже!

– Ыу! Ыу! Ыу! Ыу!

Это кричит осел.

Я ничего не боюсь на свете, кроме лягушек и «буки», но тут, при звуках этого невозможного, чудовищного крика, я тоже начинаю кричать. И не от страха, а от того, что я ужасно нервна и впечатлительна от природы – так по крайней мере говорят мои тети и доктор, который постоянно меня лечит.

– Ыу! Ыу! Ыу! – вопит осел.

– А – а—а – а! – тяну я диким, пронзительным голосом.

Голова моя начинает кружиться и прекрасный принц становится все меньше и меньше у меня в глазах. И вот в ту самую минуту когда я готова уже лишиться чувств, с неба хлынул ливень, ужасный ливень. Тучи уже давно собирались над моей головой, но в пылу игры я не заметила их.

– Девочка! Ты смокнешь! – кричит мне прекрасный принц, свешиваясь с седла. – Садись ко мне скорее. Я знаю, ты живешь тут недалеко от парка, в капитанском доме. Дядя Воронской твой папа. Я отвезу тебя туда. Савельев, – скомандовал он своему спутнику – солдату, посади ко мне девочку на седло.

Сильные руки подхватывают меня в воздух и бережно опускают на спину осла, который перестал кричать – от дождя, должно быть. Маленькие руки обнимают меня.

– Держись за меня! – слышу я звонкий голосок над самым ухом.

Толстая солдатская шинель закрывает нас с головой, меня и принца. Под шинелью тепло и уютно. Дождик не мочит меня больше. У моего плеча приютилась головка маленького принца. Я не вижу его лица, одни только локоны пушистым облаком белеют передо мной в полумраке.

Осел двигается медленно и важно... Какая-то усталость сковывает все мои члены, слабые члены хрупкого, болезненного ребенка. Сон незаметно подкрадывается ко мне. Сквозь него я слышу, как прекрасный принц мне поясняет, что он не принц вовсе, а Вова Весманд, что он тоже, как и мы, живет постоянно в Царском Селе, что он сын стрелкового командира, наш сосед и ... и...

Я засыпаю сладко, сладко, как можно только спать в золотые дни младенчества, без видений и снов.

ГЛАВА III

Бука. – мое «солнышко»

Я просыпаюсь от шумного говора двух сердитых голосов.

– Оставит ребенка одного в роще! Этого еще не доставало! – строго говорит тетя Лиза где-то близко у моей постели.

– Да нешто можно углядеть за такой разбойницей! – не менее громко отвечает моя няня Груша.

– Не смейте так называть Лидюшу! – сердиться тетя. – Иначе я пожалуюсь барину и вас не будут держать у нас...

– И пусть не держат! Сама уйду! Не больно то нуждаюсь я вашим местом! – уже в голос кричит нянька, окончательно выйдя из себя.

– Вы дерзки! Нет больше сил с вами! – разом вдруг успокоившись, говорит тетя. – Соберите ваши вещи и уходите сейчас же! Чтоб через час я не видела вас больше! Чуть не уморили ребенка!

И с этими словами тетя выходит из комнаты, хлопнув дверь.

Я открываю глаза.

В комнате сгустились летние сумерки. Уже вечер. Должно быть я долго спала с тех пор как меня привезли сюда сонную на осле прекрасного принца. Няня копошиться в углу у своего сундука. Я знаю, что она укладывается, но мне не чуточки не жаль ее. Нисколько. Услыша, что я пошевелилась, она в одну минуту подбегает ко мне, при чем у нее красное, как свекла, и она злобно шипит, стараясь, однако, говорить тихо, чтобы не быть услышанной тетей:

– Радуйся, сударыня... Дождалась! Гонят твою няньку... Не хороша, видишь, нянька! Другую надо. Ну, и пушай другую. Мне плевать! А только и тебе, матушка, не поздоровиться, – прибавляет она со злым торжеством. – Вот уйду уж... перед ночью... Бука-то и войдет к тебе, как раз и войдет, да!

Ее цыганские глаза горят как два уголька, хищные зубы так и выскакивают наружу.

– Не смей пугать! Злая нянька! Дурная нянька, не смей! – кричу я нарочно громко, что бы тетя услышала. Мой голос и пришла сюда. – Тебя вон выгнали, ты и уходи!

Озлобленная на нее в конец я страстно ненавижу ее в эти минуты.

– И уйду, не кричи, уйду, – шипит нянька, – вместо меня она придет, бука-то! Беспременно. Слышь, уже шагает по коридору, а?

И, что бы еще больше напугать меня, взбалмошная женщина опрометью кидается к двери и исчезает за нею.

Я остаюсь одна.

Груша – я это замечаю – останавливается за дверью и ждет, что я ее позову. Но нет, нет! Ни за что! Останусь одна, но ее не позову...

Я не чувствую не малейшего сожаления к няньке. Больше того, я рада, что она уедет, и я не увижу никогда более ее сердитого, угрюмого цыганского лица и щучьих зубов.

Я облегченно вздыхаю в первую минуту ее ухода и начинаю поджидать тетю Лизу. Вот-вот она войдет сейчас, сядет на край моей постельки, перекрестит меня, поцелует...

Но тетя не идет. По-прежнему все тихо в коридорах.

Тогда я приподнимаюсь на локте и кричу негромко:

– Лиза! Лиза! (Я всех моих четырех теть называю просто по имени)

Ответа нет. Вероятно, тетя пошла на кухню, где теперь держит совет по поводу завтрашнего обеда с краснощекой кухаркой Машей.

– Лиза! – кричу я громче.

Бесполезно. Никто не идет. Никто не слышит.

Мне разом становится страшно. «Погоди, уж придет бука!» – звучат в моих ушах грозные нянькины слова.

А что если и правда придет?

И меня охватывает мучительная дрожь страха.

Что такое бука – я хорошенько не знаю, но я чувствую, что-то ужасное под этим словом. Мне представляется она чем-то бесформенным, шарообразным и расплывчатым, что вкатится в комнату, подкатится к моей постели и, отвратительно гримасничая морщинистым лицом, полезет по свесившемуся концу моего одеяла ко мне прямо на кровать.

Живо представив себе эту картину, я дико вскрикиваю и быстро юркаю под одеяло. Там я вмиг собираюсь вся в комочек, поджав под себя ноги, похолодевшие от ужаса, лежу так, боясь пошевелиться от страха, с пересохшим ртом и дико-расширенными глазами. Какой-то звон наполняет мои уши и сквозь звон этот я, к ужасу моему, различаю шаги в коридоре. Кто-то почти не слышно, почти бесшумно крадется в детскую. Шаги приближаются... все ближе... ближе... Меня начинает трясти настоящая лихорадка... Зуб на зуб не попадает, отбивая частую дробь. Во рту так пересохло, что становится невозможно дышать. Язык стал тяжелый, тяжелый – такой тяжелый, что я не могу даже повернуть его, чтобы крикнуть...

И вдруг шаги останавливаются у самой моей постели... Вся обмирая от ужаса, я вспоминаю внезапно, что буке будет легко вскарабкаться ко мне на постель, потому что конец одеяла свесился с кровати на пол. Теперь я уже ясно, ясно чувствую, что кто-то осторожно, но настойчиво стягивает с мой головы одеяло.

– Ай! – кричу я не своим голосом и разом вскакиваю с постели...

Но передо мною не бука. Мое «солнышко» передо мною.

Он стоит предо мною – молодой, статный, красивый, с черными, как смоль, бакенбардами по обе стороны красивого загорелого лица, без единой капли румянца, с волнистыми иссиня-черными же волосами над высоким лбом, на котором точно вырисован белый квадратик от козырька фуражки, в то время, как все лицо коричнево от загара. Но что лучше всего в лице моего «солнышка» – так это глаза. Они иссера-синие, под длинными, длинными ресницами. Эти ресницы придают какой-то трогательно простодушный вид всему лицу «солнышка». Белые, как миндалины, зубы составляют также не малую красоту его лица.

Вы чувствуете радость, когда вдруг, после ненастного и дождливого дня, увидите солнце?

Я чувствую такую же радость, острую и жгучую, когда вижу моего папу. Он прекрасен, как солнце, и светел и радостен, как оно!

Не даром я называю его «моим солнышком». Блаженство мое! Радость моя! Папочка мой единственный, любимый! Солнышко мое!

Я горжусь моим красивым отцом. Мне кажется, что нет такого другого на свете. Мое «солнышко» – все лучшее в мире и лучше самого мира... Теперь в его глазах страх и тревога.

– Лидюша моя! Девочка моя! Радость, что с тобою? – говорит он, и сильные руки его подхватывают меня на воздух и прижимают к себе.

Папа быстрыми шагами ходить теперь по детской, сжимая меня в своих объятиях.

О, как хорошо мне, как сладко у него на руках! Я обвиваю его шею ручонками и рассказываю ему про прекрасного принца, и про ливень, и про няню Грушу, и про буку, при чем воображение мое, горячее, как пламя, подсказывает то, чего не бывало. Из моих слов он понял, что я уже видела буку, как она вползала ко мне, как карабкалась на мою постель.

Папа внимательно вслушивается в мой лепет. Потом лицо его искажается страданием.

– Сестра Лиза! – кричит он свою свояченицу, – сколько раз я просил не оставлять ребенка одного! Она слишком нервна и впечатлительна, Лидюша. Ей вредно одиночество. – И потом снова обращается ко мне нежным, ласковым голосом, каким он один только умеет говорить со мною:

– Успокойся, моя деточка! Никакой буки нет. Буку выдумали глупые, невежественные люди. Крошка, успокойся! Ну, что ты хочешь, чтобы я сделал для тебя? Скажи только, – все сделаю, что хочешь, крошка моя!

«Чего я хочу!» – вихрем проносится в моих мыслях, и я мигом забываю и про буку, и про «событие с няней».

Ах, как много я хочу! Во-первых, хочу спать сегодня в комнате у «солнышка»; во-вторых, хочу маленького пони и высокий, высокий шарабан, такой высокий, чтобы люди поднимали голову, если захотят посмотреть на меня, когда я еду в нем, и я бы казалась им царицей на троне... Потом хочу тянучек от Кочкурова, сливочных, моих любимых. Многого хочу!

– Все! Все будет! – говорит нежно «солнышко». – Успокойся только, сокровище мое!

Мне самой надоело волноваться и плакать. Я уже давно забыла про буку и снова счастлива у родной груди. Я только изредка всхлипываю да прижимаюсь к «солнышку» все теснее и теснее.

Теперь я слышу неясно, как в дремоте, что он бережно заворачивает меня в голубое шелковое одеяльце и песет в свою комнату, помещающуюся на самом конце длинного коридора. Там горит лампада перед образом Спасителя, и стоит широкая мягкая постель. А за окном шумят деревья парка сурово и печально.

«Солнышко» бережно опускает меня, сонную, как рыба, на свою кровать и больше я уж ничего не соображаю, решительно ничего... Я сплю...

ГЛАВА IV

Подарок. – Первое тщеславие. – Детский праздник. – Снова прекрасный принц и Коля Черский

Прошел месяц. Зеленые ягоды смородины стали красными, как кровь, в нашем саду, и тетя Лиза принялась варить та них варенье на садовой печурке. Няню Грушу отказали и вместо нее за мною ходила добрая, отзывчивая, молоденькая Дуня, родная сестра краснощекой кухарки Маши.

Стоял знойный полдень. Мухи и пчелы с жужжаньем носились над тетиной печуркой, и тетя сама, красная – раскрасная, с потным лоснящимся лицом копошилась у огня. В ожидании обычной порции пенек, я присела неподалеку с моей любимой куклой Уляшей и занялась разглядыванием Божией коровки на соседнем листе лопуха.

Вдруг странный звук за забором поразил мой слух. Чье-то легкое ржание послышалось у крыльца.

Это не был голос Размаха, нашей вороной лошади, ходившей в упряжи, нет, – то было тоненькое ржание совсем молоденького конька.

В уме моем мелькнула смутная догадка. В одну минуту и смородинные пенки, и Божья коровка – все было забыто. Я несусь, сломя голову, из сада на террасу, откуда выходит парадная дверь на крыльцо. В стеклянные окна террасы я вижу... Ах, что я вижу!

Боже мой! Все мое детское сердчишко преисполнено трепетом. Я задыхаюсь от восторга, и лоб мой делается влажным в один миг.

– Пони! Пони! Какой миленький! Какой хорошенький! – кричу я не своим голосом и пулей вылетаю на крыльцо.

Перед нашим подъездом стоит прелестная гнедая шведка, запряженная в высокий шарабан. Шерсть у нее отливает червонным золотом, а глаза так и горят и горят. Козел в шарабане нет, а на переднем сидении сидит мое «солнышко», держа в одной руке кнут, в другой вожжи и улыбается мне своей милой, чарующей улыбкой. Нет, положительно нет другого человека, у которого было бы такое лицо, такая улыбка!

– Ну, что, довольна подарком, Лидюша? – слышен мне милый, ласковый голос.

– Как? Это мне подарок? Этот чудный пони мой? И шарабан тоже? О!..

От волнения я ничего не могу говорить и только, сжав кулачишки, подпрыгиваю раз десять на одном месте и тихо визжу.

– Довольна? – спрашивает папа, и глаза его сияют.

Потом он спускается на землю из высокого шарабана, и я висну у него на шее.

– Папа-Алеша! Добрый! Милый! Я тебя ужасно люблю!

В особенно счастливые минуты я называю отца «папа-Алеша».

– Ну-ну, лисичка-сестричка, – отмахивается он от меня, беги скорее одеваться к тете Лизе. Я беру тебя сейчас в Павловск на танцевальное утро.

Тут уж я не знаю, что делается со мною.

С визгом несусь я в дом, вся красная, радостная, возбужденная.

– Одеваться! Скорее одеваться! Дуня! Дуня! Дуня! – кричу я.

Тетя Лиза бросила варенье и спешит из сада. Дуня бомбой вылетает из кухни. Маша за нею. И все это разом сосредотачивается вокруг меня. Меня причесывают, моют, одевают. Потом, когда я готова, из простенькой Лидюша, в ее холстинковом затрапезном платице, превращаюсь в нарядную, пышную, всю в белых кружевных воланах и шелковых бантах девочку, она крестит меня и ведет на крыльцо. Там уже ждет меня «солнышко». Он тоже принарядился.

Его военный китель блестит серебряными пуговицами и сверкает ослепительной белизной. И волосы он расчесал так красиво и пахнет от него чем-то острым и вкусным вроде сирени.

– Ты прелесть какой красивый сегодня, папа-Алеша! – с видом знатока, окинув всю фигуру «солнышка», говорю я.

– Ах, ты, стрекоза! – смеется папа и подсаживает меня в шарабан.

Вокруг нас собирается толпа ребятишек и, разинув рот, смотрит на меня. Это дети казенных служащих, которые живут в нашем дворе. Мне и приятно видеть их восторг, и отчего-то стыдно. Мне стыдно быть такой великолепной, нарядной девочкой и ехать на «собственном пони», когда у этих малышей рваные сапоги на ногах и грязные рубашонки... Но хорошее побуждение недолго гостить в моей душе. Через секунду я уже чувствую себя владетельной принцессой, а всю эту рваную детвору моими покорными слугами. Сердце мое преисполнено гордости. Я точно вырастаю в собственных глазах и милостиво киваю головой оборванным ребятишкам, хотя никто из них и не думает кланяться мне.

Пони трогается, шарабан за ним, и рваные ребятишки остаются далеко позади...

– А вот и Воронской со своей малюткой! Что за прелестное дитя! – слышится за мною чей-то ласковый голос, едва мы появляемся в зале Павловского вокзала, уже полной народа – взрослыми и детьми.

– Ничего нет и особенного, – отвечает другой. – Разрядили как куклу, поневоле будет мила, – Взгляните лучше на Лили. Вот это действительно прелестная девочка! Сейчас видно, что она из аристократической семьи, – не унимаете голос.

Я хочу оглянуться и не успеваю, потому что мы входим в эту минуту с «солнышком» в огромный зал.

Музыка гремит на эстраде, где сидят музыканты. Какой-то длинноусый человек машет палочкой вверх, вниз, вправо и влево, перед самыми лицами музыкантов. Мне становится страшно за музыкантов. Я боюсь, что длинноусый человек непременно побьет их своей палочкой. Я хочу выразить это мое опасение отцу, но в ту же самую минуту к нам подбегает, подпрыгивая на ходу, стройненькая, огненно-рыжая девочка в шотландской юбочке, с голыми икрами (чулки едва-едва доходят ей до щиколотки) и вскрикивает радостно, приседая перед моим отцом:

– Monsieur Воронский! Здравствуйте. Папа прислал меня к вам.

– А, Лили! Очень рад вас видеть. А вот и моя дочурка. Познакомьтесь с ней, – ласково отвечает ей мое «солнышко».

Рыжая девочка едва достаивает меня взглядом. Ей лет 7–8 на вид, но она старается держать себя совсем как взрослая. Это уродливо и смешно.

Мне эта рыжая девочка совсем-совсем не нравится. У нее такое гордое лицо. И шотландская юбочка, и голые икры, все, решительно все мне не нравится в ней. И поэтому меня злит, что «солнышко» так ласково разговаривает с ней.

– А мы и не поздоровались с вами как следует, Лили, – говорит «солнышко», – можно мне поцеловать вас?

Что? Или я ослышалась?

«Солнышко» хочет поцеловать чужую девочку? Нет! Нет! этого нельзя, нельзя! Или он, «солнышко», не знает, что ему можно ласкать одну его Лидюшу?

И прежде чем он успел приблизиться к рыжей головке, я бросилась к нему с громким криком:

– Не хочу, не надо! Не надо, папочка!

Позади нас кто-то рассмеялся.

– Хорошенькое воспитание дают ей ее тетушки! – слышится поблизости язвительная фраза.

– Сиротка! Что поделаешь!.. Без матери всегда так бывает, – говорит другой, уже знакомый мне голос.

Живо обернувшись, я вижу сухую старушку с черепаховым лорнетом у глаз.

Прежде чем «солнышко» успевает остановить меня, я быстро вырываю мою руку из его руки, мелкими шажками подбегаю к старушке с лорнетом и, дерзко закинув голову, кричу ей в лицо:

– Неправда! я не сиротка!.. У меня есть «солнышко», тетя Лиза и тети: Оля, Лина и Гуляша. А у вас их нет...

И мой голос звенит слезами.

Папа очень сконфужен. Он бросается к старушке с лорнетом и извиняется, расшаркиваясь перед нею.

– Лидюша, Лидюша, – испуганно шепчет он, – что с тобою?

– А потому, что она злючка! – очень громко и отчетливо говорю я так, что ехидная старушка с лорнетом, наверное, слышит мои слова.

Я еще хотела добавить что-то, но тут предо мною внезапно выросло светлое видение с белокурыми локонами.

– Прекрасный принц! Здесь! – широко раскрывая свои и без того огромные глаза, удивленно вскрикиваю я.

– Да, прекрасная принцесса!

И Вова Весманд, он же и мальчик с ослом, с самым забавным видом расшаркивается предо мною и тут же прибавляет:

– Хочешь, я буду твоим кавалером?

– Вова! Вова! – кричит, пробегая мимо нас как раз в это время, рыженькая Лили, – идем танцевать со мной.

Но уже поздно: мы взялись за руки и кружимся по залу, – я с моим прекрасным принцем. Но – ах! – что это был за танец! Вероятно, нечто подобное пляшут дикие вокруг костров! Как ни болтала я ногами, как ни старалась попасть в такт музыка, ничего не выходило. Другие пары кружились, как бабочки, кругом нас в то время, как я и мой кавалер бессмысленно топтались на одном месте, поминутно натываясь на другие пары. Наконец, окончательно потеряв терпение, Вова разом остановился посреди залы, тряхнул своими длинными локонами и, топнув ногою, вскричал:

– Нет! С тобою и шагу сделать нельзя... Лили! Лили! – позвал он пробежавшую мимо девочку, – танцуй, пожалуйста, со мною. Моя дама слишком мала для меня. Лили звонко рассмеялась и бросила на меня торжествующий взгляд.

Я готова была расплакаться от обиды и злости. С тоскою поводила я глазами вокруг себя, ища «солнышко». Но «солнышко» занялся разговором с высоким военным и ему было не до меня. А музыка гремела, и пары кружились, не давая мне возможности пробраться к нему. Каждую минуту я рисковала быть опрокинутой на пол, сбитой с ног, ушибленной, помятой. У меня уже начинала кружиться голова, ноги стали подкашиваться, перед глазами пошли красные круги, как вдруг я почувствовала чьи-то руки на своих плечах!..

– Девочка, тебе дурно?

Передо мною стоит бледный худенький мальчик, лет восьми, с высоким лбом и редкими как пух волосами. Умные серые глаза мальчика с заботливым вниманием смотрят на меня.

– Я хочу к моему папе! – тяну я капризно, оттопыривая нижнюю губу.

– Я провожу тебя к нему, – говорит мальчик. И, крепко схватившись за руки, мы пробиремся к тому месту, где папа разговаривает с высоким военным.

– Вот, Алексей Александрович, ваша дочка, – говорит мой спутник, подводя меня к папе.

– Спасибо, Коля! – отвечает «солнышко» и тотчас же снова обращается к высокому военному, очевидно продолжая начатый разговор:

– Да, да, наши солдатики храбры, как львы... дерутся на смерть... Мне брат писал что «там» очень рады перемирие... Вздохнут немного...

– А про Скобелева пишет? – осведомляется военный.

– Как же! Брат состоит в его отряде...

– А вы не думаете, что и до вас дойдет очередь? – спрашивает высокий военный, обращаясь к моему папе – Пожалуй, там недостаток в военных инженерах, и вас тоже призовут... – говорить военный.

Но тут папа значительно скашивает глаза на меня.

– Пожалуйста, – тихо шепчет он, – не говорите этого при ребенке, – она у меня нервная, знаете, такая...

Но я успела уже расслышать все и догадалась, что речь идет о войне с турками. У нас часто говорят про эту войну. Мой папа – военный инженер и его ужасно интересует все, что происходит там, на войне, или, как он говорил, «в действующей армии».

– Ну-ну, Лидочка! – говорить высокий военный, – не пугайся! Папу твоего не возьмут на войну к туркам.

– Я знаю, что не возьмут! – отвечаю я храбро.

– Почему? – улыбается военный.

– Да потому, что я не хочу! – бросаю я гордо и задираю кверху голову.

Все смеются, и папа, и высокий военный, и худенький мальчик, который привел меня к «солнышку».

– А я так хочу на войну! – слышится подле нас веселый голос, и я вижу Вову Весманда и рыжую Лили перед нами.

– Я хочу быть гусаром! – добавляет он весело и вызывающе смотрит на нас своими бойкими, живыми глазками.

– Молодец! – говорить военный.

И потом, заметив худенького мальчика с умными, серьезными глазами, обращается к нему.

– И ты тоже хочешь идти на войну и быть гусаром, не правда ли?

– Ах, нет, – живо отвечает мальчик. – Там людей убивают и кровь льется. Зачем же?

– А зачем турки бедных болгар обидели... у них дети! – заносчиво кричит Вова и сверкает глазенками.

– И у турок дети... маленькие, – с мечтательной грустью говорит худенький мальчик. – Нет, я в гусары не пойду. Я лучше учителем буду, – заключает он тихо.

– Учитель! Учитель! – в один голос хохочут Лили и Вова, – а сам наверное ничего не знает...

– Нет, знаю, – веско и убедительно говорить мальчик.

– Не спорьте, не спорьте, дети, – останавливает мой отец расхажившую компанию. – Ну, нам пора. Едем Лидюша, – добавляет он и пожимает руку военного.

– До свиданья, дядя Воронской. Приходите же к нам! И вот с нею, – тоном избалованного ребенка говорить Вова, и небрежным кивком головы указывает на меня.

– Au revoir, monsieur! – приседает перед папой рыжая Лили.

– Коля, ты с нами. Ведь мы соседи, я тебя подвезу. Хочешь? – предлагает «солнышко» моему новому знакомому – худенькому мальчику.

– Благодарствуйте, – отвечает мальчик и весь вспыхивает от удовольствия.

Еще бы! Кому не приятно прокатиться на таком пони, да еще в таком шарабане.

– Коля Черский живет со своим дядей в нашем дворе, – говорит мне «солнышко». – Он славный мальчик. Не то, что разбойник Вова и его кузина Лили. Он будет приходить играть с тобой. Хочешь?

– Хочу! – говорю я радостно.

До сих пор я никогда не играла с детьми. Тетя Лиза и «солнышко» тщательно оберегали меня от детского общества, боясь, чтобы оно не влияло дурно на мой слабый организм. Коля Черский был первый товарищ, которого давали мне.

Весело вскочила я в шарабан следом за папой. Коля поместился против нас на переднем сиденье, поджав ноги и сложив руки на коленях, как пай-мальчик.

Пони тронулся с места и шарабан покатился по тенистой аллее Павловского парка по направлению к Царскому Селу.

ГЛАВА V

Мальчик-каприз. – Серая Женщина. – Первое горе

Два коршуна высоко поднялись в небо... Один ударил клювом другого, и тот, которого ударили, опустился ниже, а победитель, торжествуя, поднялся к белым облакам и чуть ли не к самому солнцу.

Я внимательно слежу за тем, как побежденный усиленно кувыркается в воздухе, силясь удержаться на своих могучих крыльях. Мои дальнзоркие глаза видят отлично обоих хищников. Окно в сад раскрыто. В него врывается запах цветущего шиповника, который растет вдоль стены дома. Белые облачка плывут по небу быстро, быстро... Мне досадно, что они плывут так быстро... И на коршунов досадно, что они дерутся, когда отлично можно жить в мире... И на шиповник досадно, что он так сильно пахнет, когда есть другие цветы без запаха! А больше всего досадно на то, что надо молиться... Я стою перед одним из углов нашей столовой, в котором висит маленький образок с изображением Спасителя! Тетя Лиза стоит рядом со мною в своем широком ситцевом капоте, кое-как причесанная по-утреннему и, протирая очки, говорит:

– Молись, Лидюша: «Помилуй, Господи, папу...»

Я мельком вскидываю на нее недовольными глазами. Лицо у тети, всегда доброе, без очков кажется еще добрее. Голубые ясные глаза смотрят на меня с ласковым одобрением. Добрая тетя думает, что я забыла слова молитвы и подсказывает их мне снова:

– «Господи! Спаси и помилуй папу...» Говори же.

Лидюша, что ж ты!

Я молчу. Смутное недовольство, беспричинно охватившее меня, когда я поднималась с постели, теперь с новою силою овладевает мной. Знакомый мне уже голос проказника-каприза точно шепчет мне на ушко: «Не надо молиться. Зачем? От этого ни добрее, ни умнее не будешь».

А тетя шепчет в другое ухо:

– Стыдно, Лидюша! Такая большая девочка – и вдруг молиться не хочет!

Но я молчу по-прежнему. Точно воды в рот набрала. И смотрю в окно помутившимися от глухого раздражения глазами. Коршуны давно уже перестали драться. Но облака плывут все также скоро. Ужасно скоро. Противные, хоть подождали бы немножко! И несносный шиповник так и лезет своим запахом в окно.

Гадкий шиповник!

Тетя говорит уже не прежним ласковым голосом, а строгим:

– Лидюша! Да начнешь ли ты, наконец?

Тут уж меня со всех сторон окружают цепкие клещи невидимого проказника-каприза. Раздражение мое растет. Как? Со мною, с божком семьи, с общим кумиром, говорят таким образом?

– Не хочу молиться! Не буду молиться! – кричу я неистово и топаю ногами.

– Что ты! Что ты! – повышает голос тетя, – как ты смеешь говорить так? Сейчас же изволь молиться.

– Не хочу! Не хочу! Не хочу! Ты злая, злая, тетя Лиза! – надрываюсь я и делаюсь красная, как рак.

– За меня не хочешь, так за папу! За папу должна молиться.

– Не хочу! – буркаю я и смотрю исподлобья, какое впечатление произведут мои слова на тетю Лизу.

Ее брови сжимаются над ясными голубыми глазами, и глаза эти окончательно теряют прежнее ласковое выражение.

– Изволь сейчас же молиться за папу! – строго приказывает она.

– Не хочу!

– Значить, ты не любишь его! – с укором восклицает тетя. – Не любишь? Говори!

Вопрос поставлен ребром. Увильнуть нельзя. На минуту в моем воображении вырастает высокая стройная фигура «солнышка» и его чудесное лицо. И сердце мое вмиг наполняется жгучим, острым чувством бесконечной любви. Мне кажется, что я задохнусь сейчас от прилива чувства к нему, к моему дорогому папе-Алеше, к моему «солнышку».

Но взгляд мой падает нечаянно на хмурое лицо тети Лизы, и снова невидимые молоточки проказника-каприза выстукивают внутри меня свою неугомонную дробь: «Зачем молиться? Не надо молиться!»

– Не любишь папу? – подходить ко мне почти вплотную тетя и смотрит на меня испытующим взглядом, – не любишь? Говори.

Меня мучает ее взгляд, проникающий в самую мою душу. Точно острые иглы идут от этих ясных голубых глаз и колют меня. Нехорошо становится на душе. Хочется заплакать, прижаться к ее груди и крикнуть сквозь рыданье: «Люблю! Люблю! И тебя и его! Люблю! Дорогая! Милая!»

Тут снова подскакивает ко мне мальчик – каприз и шепчет:

– «Не поддавайся! Вот еще, что вздумали: молиться заставляют как же!»

И я, дерзко закинув голову назад и смотря в самые глаза тети вызывающим взглядом, кричу так громко, точно она глухая:

– Не люблю! Отстань! Никого не люблю! И папу не люблю, да, да, не люблю! Не люблю! Злые вы, злые все, злые!

– Ах! – роняют только губы тети, и она закрывает руками лицо.

Потом быстро схватывает меня за плечо и говорит голосом, в котором слышатся слезы:

– Ах, ты, гадкая, гадкая девочка!.. Что ты сказала! Смотри, как бы Боженька не разгневался на тебя и не отнял папу! – И, отвернувшись от меня, она быстро выбегает из столовой.

Я остаюсь одна.

В первую минуту я совершенно не чувствую ни раскаяния, ни стыда.

Но мало помалу что-то тяжелое, как свинец, вливается мне в грудь. Точно огромный камень положили на меня и он давить меня, давить...

Что я сделала! Я обидела мое «солнышко»! Вот что сделала я! О, злое, злое дитя! Злая, злая Лидюша!

Я бросаюсь к окну, кладу голову на подоконник и громко, судорожно всхлипываю несколько раз. Но плакать я не могу. Глыба, надавившая мне грудь, мешает.

И вдруг, легкое, как сон, прикосновение к моей голове заставляет меня разом поднять лицо. Передо, мною чужая, незнакомая женщина в сером платье, вроде капота, и с капюшоном на голове. Большие, пронзительные, черные глаза смотрят на меня с укором и грустью. Серая женщина молчит и все смотрит, смотрит на меня. И глыба, надавившая мне грудь, точно растопляется под ее острым, огненным взглядом. Слезы текут у меня из глаз. Мне вдруг разом захотелось молиться... и любить горячо, не только мое «солнышко», которого я бесконечно люблю, несмотря на мальчика-каприза, но и весь мир, весь большой мир...

Серая женщина улыбается мне ласково и кротко. Я не знаю почему, но я люблю ее, хотя вижу в первый раз. Какая-то волна льется мне в душу, теплая, горячая и приятная, приятная без конца.

– Тетя Лиза! Тетя Лиза! – кричу я обновленным, просветлевшим голосом, – иди скорее. Я буду паинькой и буду молить...

Я не доканчиваю моей фразы, потому что серая женщина разом исчезает, как сон. Я лежу головой на подоконнике, и глаза мои пристально устремлены в сад.

По садовой аллее идут двое военных. Одного, высокого, стройного, темноволосого, я узнаю из тысячи. Это – мое «солнышко». Другой – незнакомый, черный от загара, кажется карликом по росту в сравнении с моим папой.

У папы какая-то бумага в руках. И лицо его бело, как эта бумага.

Что-то екает в моем детском сердчишке. Тяжелая глыба, снятая было с меня серой женщиной, снова с удвоенной силой наваливается на меня.

– «Солнышко»! – кричу я нарочно громче обыкновенного и стремглав бегу на крыльцо.

Мы встречаемся в дверях прихожей – и с «солнышком», и с карликом – военным. Странно: в первый раз в жизни папа не подхватывает меня на воздух, как это бывает всегда при встречах с ним. Он быстро наклоняется и порывисто прижимает меня к себе.

Опять сердчишко мое бьет тревогу... Глыба давить тяжелее на грудь.

– Папа-Алеша! Мы поедem кататься! – цепляясь за последнюю надежду, что все будет по-старому, как было прежде, говорю я.

Папа молчит и только прижимает меня к своей груди все теснее и теснее. Мне даже душно становится в этих тесных объятиях, душно и чуточку больно.

И вдруг над головой моей ясно слышится голос «солнышка», но какой странный, какой дрожащий:

– Если меня не станет, то клянись, капитан, как друг и сослуживец, позаботиться о девочке. Это моя единственная привязанность и радость!

– Конечно! Конечно!.. все сделаю, что хотите, – говорит черный карлик, и голос у него тоже дрожит не меньше, чем у папочки. – Но я уверен, что вы вернетесь здоровым и невредимым...

– Как вернетесь? Разве ты уезжаешь, «солнышко»?

Лицо у «солнышка» теперь белое, белое, как мел. А глаза покраснели и в них переливается влага... Я разом угадала, что это за влага в глазах «солнышка».

– Слезки! Слезки! – кричу я, обезумев от ужаса, в первый раз увидя слезы на глазах отца. – Ты плачешь, «солнышко»? О чем, о чем?

И я прильнул к его лицу, глядя ручонками его загорелые щеки и сама готовая разрыдаться.

Но отец не плакал. Я никогда, ни раньше, ни потом, не видела его плачущим, моего дорогого папу. Но то, что я увидела, было страшнее слез. По лицу его пробежала судорога и глаза покраснели еще больше, когда он сказал:

– Видишь ли, Лидюша, моя деточка ненаглядная, папе твоему ехать надо... Сейчас ехать... Папу на войну берут... в Турцию... Мосты наводить, укрепления строить. Понимаешь? Чтобы солдатам легче было к туркам пробраться... Вот папа и едет твой... А ты умницей будь. Тетю не огорчай, слышишь?.. Мне скоро ехать надо... За мной, видишь, дядю чужого прислали... сегодня надо ехать... сейчас...

Едва только папа успел произнести последнее слово, как я, слушавшая все точно в каком-то тумане, дико и пронзительно закричала:

– А-а-а! Не пушy! А-а-а! Не смей уезжать! Не хочу! Не хочу! Не хочу! Папа! Папочка мой! Солнышко мое!

И я зарыдала.

Не помню, что было потом. Мне показалось только, что кругом меня вода, много, много виды, и мы тонем с папой-Алешей...

Когда я очнулась, то лежала на диване в папином кабинете, большой светлой комнате, рядом со спальней и выходящей окнами в сад. Тетя Лиза стояла на коленях подле и смачивала мне виски ароматичным уксусом. Военного гостя не было в комнате. И папы тоже.

– Где папа? Где «солнышко»? – вскричала я снова диким голосом и рванулась вперед.

Страшной тоской сжалось сердце бедной маленькой четырехлетней девочки: ей казалось, что она не увидит больше своего отца. Но это было обманчивое предчувствие. Он вошел в ту же минуту в кабинет в дорожном пальто, с шашкой через плечо и тихо сказал, обращаясь к тете:

– Вещи пошли прямо в штаб, сестра. Там уже перешлют в действующую армию...

И потом, наклонясь ко мне, тихо, безмолвно обнял меня.

Мы оба замерли в этом объятии. Мне казалось, что вот-вот соберутся тучи над нашей головой, блеснет молния, грянет гром... и гром убьет нас одним ударом, меня и папу. Но ничего не случилось такого...

Папа с трудом оторвался от меня и стал осыпать все мое лицо частыми, страстными поцелуями.

– Глазки мои! Губки мои!.. Реснички мои длинные! Лобик мой! Помните меня! Хорошенько своего папку помните! – шептал он между градом поцелуев прерывающимся от волнения голосом.

Потом быстро поднял меня с дивана, прижал к себе и произнес чуть слышно, обращаясь к тете:

– Ты должна мне сохранить ее, Лиза!

– Будь покоен, Алеша, сохраню! – начала тетя нетвердым голосом.

Потом папа еще раз обнял меня, перекрестил и опять обнял, и еще, и еще. Ему, казалось, было жутко оторваться от худенького тельца его девочки.

– Ну, храни тебя Бог, крошка моя! – произнес он твердо, поборов себя, осторожно опустил меня на диван и бросился из комнаты.

Я услышала, как он застонал по дороге.

– Папа! Папа! Папочка! Солнышко мое! Вернись! – зарыдала я, протягивая вслед за ним ручонки.

Он быстро на меня оглянулся и потом с живостью мальчика бросился снова к дивану, упал перед ним на колени, охватил мою голову дрожащими руками и впился в мои губы долгим, долгим поцелуем.

Потом снова закачался высокий белый султан на его каске и... сердце мое наполнила пустота... Ужасная пустота...

Тетя Лиза подхватила меня на руки и подбежала к окошку... Коляска отъезжала в эту минуту от крыльца. «Солнышко» сидел подле другого военного и смотрел в окно, на нас. У него было грустное, грустное лицо. Он долго крестил воздух в мою сторону. И когда коляска тронулась, все крестил и кивал мне головою... Еще минута... другая и «солнышко» скрылось из моих глаз. Наступила темнота, такая темнота разом, точно ночью.

Чей-то голос зашептал близко, близко у моего уха:

– Если б ты захотела молиться, девочка, кто знает? – может быть, папа остался бы с тобой.

– Тетя Лиза! – кричала я отчаянно, – неси меня в столовую сейчас, скорее: я хочу молиться за него, за папу!

Через минуту мы уже там. В открытое окно запах шиповника льется прежней ароматичной волною. Худенькая, нервная девочка стоит подле голубоглазой женщины перед образом на коленях и шепчет тихо, чуть слышно:

– Боженька! Добрый Боженька, прости меня и сохрани мне мое «солнышко», добрый, ласковый Боженька...

И тихо, тихо плачет...

* * *

Детская молитва услышана.

Когда он вернулся через год, черный от загара, осунувшийся, похудевший, но все же красивый, я не узнала его.

Я помню этот день отлично. Тетя была в саду. Дверь с террасы на подъезд широко раскрыта. Я сижу на террасе, а Дуня режет мне баранью котлетку, поданную на завтрак. В дверь террасы видны зеленые акации и дубовая аллея парка. И вдруг, неожиданно, как в сказке, вырастает высокая фигура в пролете дверей. Высокой, загорелый, в старой запыленной шинели стоит он в дверях, заслоняя своей фигурой и синий клочок неба, сияющий мне сапфиром через дверь, и зелень акации, и крыльцо. Он смотрит на меня с минуту... и странная знакомая улыбка играет на его лице, сплошь обросшем бородою.

– Лидюша! – зовет меня тихонько знакомый голос.

Я узнаю голос, но не узнаю черного бородатого лица.

– Батюшки мои! Да это барин! – вскрикивает Дуня и роняет тарелку. – Лидюша! Лидюша! папочка ведь это! – шумливо суетится она.

Тут только я понимаю в чем дело.

– Папа... папа-Алеша! Солнышко! Вмиг я уже в его объятиях.

– Сокровище мое! Крошка моя! Радость Лидюша! – слышу я нежный голос над моим ухом.

И град поцелуев сыплется на меня.

Боже мой, если когда-либо я была безумно счастливо в моем детстве, так это было в тот день, в те минуты.

Блаженные минуты свидания с милым, дорогим отцом, я не забуду вас!

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ГЛАВА I

Моя пытка. – Тетя Оля. – Новость далеко не приятного свойства

Май стоит в самом разгаре. Солнце жарит вовсю. Небо такое же голубое, как голубой кушак на моем новом платье. Ах, какое красивое небо! Век бы смотрела на него!

Мой стол стоит у самого окошка, у того самого окошка, через которое четыре года тому назад я смотрела на драку коршунов в воздушном пространстве и не хотела молиться. Но теперь я молюсь. Хороший урок дала мне судьба, на всю жизнь и я часто думаю, что захоти я тогда молиться – Бог не разгневался бы на меня и папу-Алешу не взяли бы на войну. Правда, «солнышко» вернулся здоровым – не то, что папа Лели Скоробогач, моей ближайшей подруги, которому контузили ногу и он ходит теперь, опираясь на палку. И все-таки лучше, если бы не было войны и папа-Алеша оставался бы дома.

Да, молиться я теперь умею. Но зато какая пытка это ученье! И к чему мне, восьмилетней девочке, знать, сколько было колен царства Израильского и что такое причастие и деепричастие на русском языке?

Тетя Лиза ушла, выбившись со мною из сил, а я сижу над раскрытой книжкой и мечтаю. Сегодня приедет тетя Оля из города и привезет мне новое платье. Она всегда сама обшивает меня, тетя Оля. Никогда не позволяет отдавать мои костюмы портнихам. И новое платье она сшила сама. Только кушак купила мне тетя Лиза, голубой, как небо. Очень красивый кушак! Надену этот кушак, это платье, и меня повезут к Весмандам на рождение. Там гостит рыжая Лили и Вова приехал из Петербурга, из пажеского корпуса. Я его мельком видела вчера. Такой потешный в мундирчике. Ах, скорее бы тетя Оля приезжала!.. Тогда Лиза наверное позволит бросить уроки. Побегу тогда на гиганки. Приедут Леля, Гриша, Коля, а может быть и Анюта? Ах, только бы не она!.. Придется домой идти. Тетя Лиза не позволяет играть с Анютой. Она отчаянная. И Коля Черский будет. Я его очень люблю. Он никогда не ссорится со мною и умеет все объяснить – и какая травка, и какие букашки, и как паук называется. Он умный. Первым учеником идет в гимназии. А ему ведь только четырнадцать лет. Ах, скорее бы тетя приезжала! Вон Петр (это наш денщик) побежал дверь открывать.

– Что, Петр, тетя Оля приехала?

– Нет, барышня, мужик принес свежие орехи продавать.

Орехи? Не дурно! Совсем даже не дурно.

Ах, скорее бы выучить. И что это за неблагодарные евреи были. Сколько им Моисей наделал, ничего знать не хотят, ропщут и только. И зачем только учить про таких дурных надо? То ли дело история Исаака. Я даже заплакала на том месте, где его Авраам в жертву принести хотел. Потом успокоилась, узнав, что все кончилось благополучно.

– Ты выучила урок, Лидюша? – внезапно появляясь на пороге, спрашивает тетя Лиза.

– Ты что это ешь, тетя Лиза? – заинтересовываюсь я, видя, что рот тети движется, пережевывая что-то.

– Отвечай урок. Нечего болтать попусту, – желая казаться строгой, говорит тетя.

Я надуваю губы и молчу.

– Закон Божий выучила?

Молчу.

– А русский?

Молчу снова.

– Ну, мы это вечером пройдем, а теперь пиши диктовку.

– В такую жару? Диктовку? Те-тя Ли-за-а! – тяну я жалобно.

Но тетя неумолима.

Я беру перо, которое становится разом мокрым в моих потных руках, и вывожу какие-то каракульки.

– Что ты написала! – выходит из себя тетя, – надо *труба*, а ты пишешь *шуба*...

– Все равно – труба или шуба! – хладнокровно замечаю я.

– А такую длинную палку у «р» зачем ты сделала, а?

– С размаху! – отвечаю я равнодушно.

– Нет, ты будешь целую страницу лишнюю писать! – возмущается тетя. – Пиши!

Но я бросаю перо и начинаю хныкать. В одну минуту лицо тети Лизы проясняется. Суровое выражение исчезает с него.

– Девочка моя, о чем? – наклоняется она ко мне с тревогой.

Но я уже не хнычу, а реву вовсю.

Какая я несчастная! Какая несчастная, право! И никто не хочет понять, до чего я несчастная! В жару, в духоту – и вдруг изволь учить про каких-то неблагодарных евреев, которые мучили бедненького Моисея! Нет, буду плакать! Нарочно буду! Чтобы голова разболелась, чтобы вся расхворалась! А потом умру. Да, умру, вот назло вам всем умру, в отместку. Придет священник, будет панихиду служить. Выроют ямку у церкви и положат туда Лидюшу. Закопают... Где Лидюша? Нет Лидюши!.. И всем будет жаль меня, жаль...

И я уже рыдаю, отлично зная, что «солнышко» на работах (мой отец управляет ходом казенных построек), а тети мне нечего стесняться. Я ложусь головой на классный столик и повторяю только одно слово: «умру, умру, умру!»

Теперь я уже не над тем плачу, что надо заниматься, а мне просто жаль себя.

Умереть в такой ранней юности! Ведь и девяти лет нет еще! О ужас, ужас!..

Тетя мечется вокруг меня со стаканом воды, с валериановыми каплями, одеколоном. Но я нимало не обращаю внимания на нее, а реву, реву, реву...

Под собственные стоны и всхлипывания мне не слышно, как подкатывает к крыльцу пролетка, как звонок продолжительно дребезжит в прихожей, и я прихожу в себя только в ту минуту, когда вижу на пороге высокую, статную фигуру тети Оли, с руками, наполненными узелками, пакетиками и картонками без числа. Тетя Лиза, младшая из сестер-тетей, говорить постоянно: «Когда Оля умрет, за ее гробом пойдут все провожающие с узелками в руках». – И все смеются, слыша это, а сама тетя Оля громче и добродушнее всех.

Не могу себе представить более доброго человека в мире. Она вся соткана из доброты, эта моя вторая воспитательница и крестная мать. Ни на кого не рассердится, голоса не повысит и постоянно хлопочет и работает на других. Исполнить ли какое-нибудь трудное поручение, сшить ли к спеху кому-либо из сестер белье, одеть моих кукол, ухаживать дни и ночи за часто болевшею старшею сестрою Юлией, – она тут как тут, милая, добрая, самоотверженная тетя Оля! Я ее не помню зато иною, как спешащей с узелком куда-то, непременно с узелком, сосредоточенную, запыхавшуюся и милую, милую без конца, или приютившуюся с иглой в руке в нашей столовой над длинной и скучной работой, так как она обшивала всегда не только меня, но и тетю Лизу и других сестер.

Кроме слабости делать добро близким и чужим у тети Оли есть еще большая слабость: крестница Лидюша. И сейчас войдя к нам, она сразу как-то потемнела при виде слез на лице своей любимицы.

– Вот неуютно ли, полюбуйся, Оля, – раздражительно говорит тетя Лиза, которая, видя, что ничто не может унять мои слезы, сердится снова, – полюбуйся, как отличается твоя любимица! Ни Закона не выучила, ни басни, ничего! А теперь плачет – унять не могу.

– Ай-Ай-Ай! Нехорошо, девочка! – говорить тетя Оля. – Ведь если так продолжаться будет, то папа и прав, пожалуй, что мы тебя воспитывать не умеем...

– Кто справится с такою капризницей! – сердитым голосом говорить тетя Лиза.

– Ну, даст Бог, исправится наша Лидюша, – примиряющим тоном отвечает снова моя крестная и ласково приглаживает мои кудрявящиеся волосы рукою. – Вот приедет гувернантка и...

– Гувернантка, а? Какая гувернантка? – испуганными звуками вырывается из моей груди. – Что ты сказала, тетя? Повтори, что ты сказала, про какую гувернантку ты сказала! – задыхаясь от волнения, тормошу я тетю.

– Ну, чего ты волнуешься? Успокойся, пожалуйста, – говорить тетя Лиза. – Я давно хотела сказать тебе... что... что папа пригласить тебе гувернантку... Он находит, что наши занятия идут не так правильно, как бы он хотел.

И горькая улыбка кривит губы моей второй матери. Я понимаю, что значить эта улыбка. Давно уже замечаю я, что что-то неладное творится у нас в доме. Папа как-то разом изменился к тете. Часто он говорить ей колкости и она отвечает ему тем же. А иногда, я слышу, они ссорятся даже, и тогда голоса и их, звучат раздраженно и громко по всему дому. Я не помню, как это началось и когда. Но теперь решительно не проходить ни одного дня, чтобы они не поговорили крупно.

И, Господи, до чего я страдаю в такие минуты!

Я люблю их обоих, ужасно люблю. «Солнышко» значительно больше, конечно, но и тетю Лизу люблю, как вряд ли можно любить родную мать. И поэтому, когда я слышу, что двое любимых мною людей ссорятся из-за чего-то, я невыносимо страдаю. Теперь уже они не называют друг друга «Алешей» и «Лизой», нет: «Алексей Александрович» и «Елизавета Дмитриевна»... Ах, как все это звучит печально и уныло!

Однажды я подкралась к дверям террасы и услышала фразу, сказанную папой:

– «Нет, положительно вы не умеете воспитывать Лидюшу! Никаких педагогических способностей, решительно никаких!»

И дрожащий голос тети Лизы ответил:

– «Но ведь все это скоро кончится, ведь вы, Алексей Александрович, нашли ей подходящую воспитательницу. Остается уже недолго потерпеть»...

И голос тети Лизы задрожал слезами.

Тогда я не поняла о какой воспитательнице они говорили, но теперь... теперь... Я понимаю ясно, что значить «новая воспитательница».

«Они хотят мне дать гувернантку! Ага! Отлично! – вихрем несется в моих мыслях. – Гувернантка! Великолепно! Чудо как хорошо! Задам же я ей перцу, этой гувернантке! Пусть только появится она к нам в дом!»

И злая, трепещущая, взволнованная, как никогда, я вскакиваю со своего места и стрелой несусь прямо в сад, оттуда вдоль пруда, прямо в рощу – в ту самую рощу, где впервые когда-то прекрасный принц увидел маленькую принцессу...

ГЛАВА II

Мои «рыцари». – Маленькая ведьма. – В гостях у лягушек

Нет, слышали вы эту прелесть? У меня будет гувернантка!

И злая, красная от волнения и бега, растрепанная девочка обводит разгоревшимися глазами круг своих друзей.

Их пятеро под широкой, развесистой елью на опушке рощи: Леля Скоробогач смугленькая, толстенная брюнетка с иссиня-черными косичками и щелочками-глазами; ее брат Гриша, краснощекий, курносый мальчик с ясным, смеющимся, милым взглядом, лет девяти, и семилетний Копа – темноглазый мальчик с пуговицеобразным носиком и бритой головенкой, круглой как шар. Тут же и Коля Черский, рослый, тоненький гимназист лет 11, мало изменившийся с тех пор, как он спас меня от танцующих пар в зале Павловского вокзала, только лицо его стало еще серьезнее, а глаза темнее и глубже. Наконец, тут и Вова. За эти четыре года он порядочно изменился: плотный, широкоплечий, с тем же веселым, насмешливым и жизнерадостным взглядом, с теми же румяными, дерзко усмевающимися губками, он чудо как хорош собой. На нем коломенковая рубашка с погонами, на которых стоят первоначальные буквы пажеского корпуса, и высокие, совсем мужские сапоги. Вова заметно важничает и своими высокими сапогами, и тем, что этой весною его приняли в пажи.

Коля в своей скромной гимназической блузке совсем теряется подле великолепного пажика.

Это мои «рыцари», особенно Коля. С того памятного утра, когда «солнышко» на детском празднике пригласил его к нам, он поступил в мои «рыцари», как пресерьезно уверяет Вова. Все свое свободное от занятий время Коля проводил у нас. Тетя была очень рада этому. У Коли был дядя – бедный чиновник, который пил и буянил. По крайней мере, мы часто слышали его грозные крики, несущиеся из флигелька, где они жили в комнате у музыканта-стрелка. Колю все любили: он был всегда скромен, тих и серьезен. И потом он так умел хорошо рассказывать, что его заслушаться можно было. Второй мой «рыцарь» – это Гриша. Веселым, шаловливым мальчуган был предан мне как собачка. Он так и смотрел мне в глаза, предупреждая каждое мое желание. Это не то что Вова. Этот рыцарем *не* пожелал быть ни за что. «Вот еще! Прислуживать девчонке», – повторял он очень часто, презрительно выпячивая нижнюю губу.

Но когда Леля и я возили кукол на прогулку (чего я особенно не любила, потому что признавала одну только игру, когда куклы изображали из себя разбойников и дрались друг с другом), то Вова с особенным удовольствием брал на себя роль кучера и о «прислуживании девчонкам» ничего не упоминал... Гриша и Леля дополняли покорную свиту маленькой принцессы.

Все мои рыцари поджидали меня, когда я, окончив урок, прибегу на поляну.

– Гувернантка? Какая гувернантка? – так и встрепенулись они, устремив загоревшиеся любопытством глаза на мое красное, взволнованное лицо.

– А вот какая! Нос у нее длинный-предлинный, как у ведьмы. Рот такой, что всю нашу дачу проглотить может, зубы из него как лопаты торчат и она щелкает ими, как кастаньетами, когда злится, а глаза у нее, как у рыжей Лили, когда та злится...

Последнее относилось к Вове. Рыжая Лили была его кузиной, воспитывалась в институте и теперь приезжала на каникулы к Весмандам. Вове она ужасно нравилась, и потому он ходить за нею попятам, живо перенял ее манеру говорить всегда по-французски, умышленно картавя на «р» и «л», и говорил, что Лили самая хорошенькая девочка в мире. Этого я уже никак перенести не могла, потому что считала себя неизмеримо красивее Лили, и не забывала при каждом удобном случае пройтись на ее счет в присутствии Вовы.

Мою последнюю фразу я проговорила с особенным торжеством, Вове назло.

Вова вскипел.

– Неправда, Лили красивая! – горячо защищал он кузину, – и глаза у нее синие, выпуклые, прелесть, а твоих и не видно, ушли куда-то... Ищи их как в лесу...

– Ну, уж, Вовка, это ты врешь! – вскипел Гриша, – у Лиды глазки чудные и сама она прехорошенькая. Твоя рыжая Лилька ей в подметки не годится.

– Ты дурак и клоп. Смеешь еще разговаривать! – взбесился Володя, – вот постой, я тебя вздую!

Мне ужасно хотелось, чтобы они подрались. Ведь благородные рыцари всегда дрались на турнирах из за своих принцесс. Впрочем и сама принцесса готова была превратиться в рыцаря и подраться заодно уж с этим негодным Володькой.

– Ах, зачем я не мальчик! – самым искренним образом сожалела я в такие минуты. Но на этот раз ссора улажена. Есть более важный вопрос, который очень интересует моих рыцарей, а именно – моя будущая гувернантка, страшная, сморщенная, как сморчок, гувернантка точь-в-точь такая, какая была у рыжей Лили, два года тому назад!..

– Я ее буду ненавидеть! – пылко выкрикивает Гриша своим звонким голосом.

– И я, и я тоже! – вторит ему Леля, его сестра.

– А я ее убью! – неожиданно выпаливает Копя.

– Из палки убьешь? – хохочет Вова и тотчас же добавляет, лукаво сощутив глаза: – а собственно недурная идея пригласить к Лиде гувернантку... Она ее отшлифует.

– Что такое?

Вот так слово! Мы его слышим в первый раз. Леля даже рот раскрыла от удивления, и сама я преисполняюсь невольным уважением к Вовке, знающему такие великолепные, непонятные слова. Я даже обидеться не решаюсь, не зная наверное, хотел ли меня задеть своим словом Вова или нет.

– А по-моему Лиде шлифовка не нужна! – звучит тихий, глубокий голос Коли Черского, – она так лучше, как она есть, такая непосредственная.

Еще новое слово! И такое же непонятое. Нет, решительно они поумнели за лето, эти мальчишки! Меня жжет самое жгучее любопытство и так и подмывает спросить, что значат эти мудреные слова «отшлифовать», «шлифовка», «непосредственное»... Но мне, принцессе, не следует показаться глупее своих рыцарей. Нет, ни за что.

Минуту длится молчание. Наконец, Вова восклицает:

– И чего вы все носы повысили?.. Подумаешь, гувернантка, важная какая! Неужели ты, Лида, так глупа, что не сумеешь справиться с нею? Ты тогда не мальчик больше, а няня, баба, девчонка...

Это уже дерзость и оскорбление. Моя всегдашняя мечта – быть мальчишкой с головы до ног и ничем не отличаться от Вовы и Гриши. Я даже чуточку негодую на Колю за его «тихоньство» и вдруг...

В одну минуту я подскакиваю к Вове. Бац! И маленькой пажик, не ожидая от меня нападения, в одну минуту летит в траву, в то время как фуражка падает с его головы и откатывается далеко, далеко. Вова сконфужен и разозлен.

– Ха, ха, ха, ха! Ловко! Так его! Ай да барышня воспитанная! Очень хорошо! – слышится где-то над нами веселый грубоватый голос.

Мы с недоумением поднимаем головы, задираем их кверху, так как голос выходит из ветвей развесистой ивы, свесившейся над самым берегом пруда.

Но в зелени ветвей никого и ничего не видно.

– Кто? – недоумевая и переглядываясь, спрашиваем мы друг друга, пугливо сбившись в кучу, как маленькое стадо испуганных баранов.

– Это русалка! – прошептал в страхе Копя и юркнул за, спину сестры.

– Русалок на свете не бывает! – проговорил Гриша, – какой ты глупый, Копа! Удивительно...

В эту минуту выглянуло, все окруженное зеленью ивы, веснушчатое, загорелое и круглое, как яблоко, лицо девочки с зелеными, светлыми, слишком светлыми глазами.

– Анютка! – вскрикнули мы все хором.

Да, это была Анютка, отчаяннейшее маленькое существо на свете, бич семьи Скоробогач, отъявленная шалунья. Ее считали идиоткой и нам, детям, было строго-настрого запрещено играть с нею. И мы тщательно избегали Анютку, хотя жгучее любопытство всегда влекло нас к ней, особенно меня, живую, впечатлительную девочку, вечно ищущую все новых и новых ощущений. Я знала, что Анютку нещадно наказывают за каждую провинность, но что она нимало не огорчалась этим.

Ее иначе не называли, как «маленькою ведьмой». Ей было 12 лет, но казалась она крошечной восьмилетней девчушкой.

Едва ее загорелое веснушчатое лицо вытянуло из за зелени ивы, как целый град мелких камешков полететь в Анютку. Кона и Гриша тщательно бомбардировали ими сестру. Вова не отставал от них. Анютка злилась. Она то высовывала нам язык, то корчила гримасы.

– Анюта, Анюта!.. И не стыдно тебе! – пробовал уговорить ее Коля, но едва мальчик раскрыл рот, как комок мягкой глины, в изобилии покрывавшей весь берег пруда, звонко шлепнулся ему в щеку.

– Безобразие какое! – вскричали мы все трое, в то время как Коля, весь красный от обиды, тщательно вытирал лицо носовым платком.

– Вот тебе! Вот тебе! Ишь ты, умник какой выискался. Учитель будущий! Что, ловко тебе влетело?! – кривлялась на своем суку и кричала Анютка.

В ответ ей разозленные мальчики запустили целый град камешков. Она метнулась было в сторону. Личико ее приняло осмысленное выражение испуга. Потом она снова расхохоталась и показала нам язык.

– Анюта! перестань дурачиться, слезай с ивы, сук может отломиться и ты попадешь в пруд! – кричала Анютке Леля.

Та в ответ только показала кулак сестре.

– Не хочешь! – грозно и значительно произнес Копа. – Вот погоди, тогда я сейчас домой побегу... и... папе пожалуюсь... и выдерут же тебя, Анютка!

– Ах, не надо! – вырвалось у меня невольно. Одно только напоминание о наказании, о побоях приводило меня в какой-то непонятный ужас. Мне казался до того противным и позорным весь акт этого наказали, до того неестественно грубым, что при одном слове о том, что того или другого знакомого ребенка наказывают, дерут, я бледнела, как смерть, дрожала с головы до ног и была близка к нервному припадку. Моя натура, пылкая, впечатлительная, и моя душа, свободная, как птичка, были чужды мрачных образов насилия и зла.

– Не надо жаловаться, Гриша, я сама попробую убедить ее сойти вниз! – ласково проговорила я, и ловко и проворно, как кошка, вспрыгнула на первый сук, оттуда на следующий, потом еще и еще выше и, наконец, в какие-нибудь две минуты стояла перед Анюткой, тесно оцепленная густою листвою огромной ивы.

– Пойдем! – проговорила я, схватив за руку девочку. – Вниз пойдем, и даю тебе слово, тебя никто пальцем не тронет, я защищу тебя.

– Не очень-то я нуждаюсь в твоей защите! – проговорила дерзко Анютка. – Пошла ты прочь от меня по добру, по здорову, пока...

– Что пока? – смотря ей прямо в ее светлые злые глаза, строго спросила я.

– А вот что пока! – захохотала она, и, прежде чем я могла понять злую девчонку, я разом почувствовала, как что-то толкнуло меня в грудь, огромный сук выскользнул у меня из-под

ног и, больно ударяясь о встречные сучья ивы, я, перекувыркнувшись несколько раз в воздухе, тяжело рухнула в пруд.

Первое ощущение холодной воды как-то разом протрезвило меня. Я слышала звонкий крик моей «свиты», повисшей над прудом, чей-то плач – и больше уже не поняла ничего.

Что-то холодное, вонючее, скользкое вливалось мне в нос, рот и уши, мешая крикнуть, мешая дышать... Мне казалось, что я умру сейчас, сию минуту...

Пришла я в себя на руках тети Оли. Передо мною было насмерть испуганное лицо другой моей тети, Лизы. Что-то горячее жгло под ложечкой и у висков (потом я поняла, что это горчичники, щедро расставленные тетями).

– Деточка! Слава Богу, очнулась моя дорогая! Спасибо Коле... вытащил тебя из пруда и сюда принес и рассказал все... про Анютку... Хорошо же ей достанется сейчас! Сама пойду жаловаться ее отцу. Экая дрянная девчонка! – И на добром, милом лице моей крестной отразились и негодование, и гнев, так непривычные этому доброму лицу.

Точно что ударило мне в голову:

«На Анютку жалуются! Анютку накажут! И надо же было сплетничать Коле! Велика важность: в пруду выкупалась. Невидаль какая! Ведь не зимой, а летом».

– Ну, уж это неправда, Коля соврал! – вскричала я пылко. – Анюта не при чем. Я полезла на иву, сук подломился, и я сверзилась с нее в пруд.

– Лида! – услышала я тихий, но внушительный оклик.

– Ага, он здесь! Несносный доносчик!

И, быстро повернув лицо в сторону взволнованного, бледного Коли, с платья которого струилась вода на пол, я проворчала сердито:

– Нечего глупости болтать. Сама упала в пруд и баста. А если... если... вы... кто-нибудь на Анютку... пожалуется... то я... я...

И, не договорив, я забилась и затрепетала на руках тети.

Мне тотчас же было дано слово оставить Анютку в покое.

На другое утро, когда я, совсем уже оправившаяся от моего невольного купанья, как ни в чем не бывало, бегала по саду, ко мне подошел Коля.

– Ты меня выставила вчера лгуном, – проговорил он серьезно, исподлобья глянув в мои глаза.

– Зато Анютка спасена, – рассмеялась я весело.

– Не только спасена, но еще успела мне сделать гадость...

– А что такое? – спросила я тревожно.

– Побежала к моему дяде и пожаловалась на меня, что я ее хотел толкнуть в воду, и дядя наказал меня.

– Как? – вся замирая от ужаса, прерывающимся голосом спросила я.

Коля молчал.

– Как? – уже настойчиво повторила я, и голос мой зазвучал властными нотками. Я не привыкла иначе говорить с моими «рыцарями».

Коля продолжал молчать.

Тогда я быстро вскинула на него глазами. Он был очень бледен. Только на левой щеке краснел предательский румянец... Я тихо вскрикнула и прижалась лицом к этой щеке. Больше я ничего не хотела знать, ничего!..

ГЛАВА III

Таинственная тетя. – Праздник у Весманд. – Муки совести. – Злополучный трепак и Нэлли Ронова

Пятнадцатого июля, в день именин Вовы, был назначен большой праздник в белом доме, где жили семейства офицеров соседнего батальона с их командиром. Я не сомневалась, что буду приглашена и тщательно готовилась к этому дню. Я знала, что стрелки и их жены, а особенно сам генерал Весманд – командир соседней с нами военной части – и его жена очень любили маленькую, немного взбалмошную, но далеко не злую «принцессу». А об их сыне Вове и говорить нечего. Мы отлично понимали друг друга и дня не могли прожить, чтобы не играть и... не поссориться друг с другом.

Наконец так страстно ожидаемый мною день наступил. Тотчас после завтрака тетя позвала меня одеваться. Белое в кружевных воланах и прошивках платье с голубым поясом, цвета весеннего неба, было прелестно. Русые кудри принцессы тщательно причесаны и на них наколот голубой бант в виде кокарды. Шелковые чулки нежного голубого цвета, такие же туфельки на ногах и... я бегу показываться «солнышку» в моем новом костюме. Он сидит в тужурке в кабинете и пишет что-то у стола. Я в ужасе.

– Ах, ты еще не готовь, «солнышко»! Но как это можно? Ведь мы опоздаем! – говорю я тоном глубокого отчаяния.

– Успокойся, деточка. Ты поспеешь с тетей вовремя. – отвечает он, лаская меня. – А я позднее приду.

– Позднее!.. ну-у...

И лицо мое вытягивается в скучающую гримасу. Я так люблю ходить в гости с моим дорогим, ненаглядным отцом. И вот...

Но предстоящий праздник так увлекает меня, что я скоро забываю это первое маленькое разочарование.

И быстро целую «солнышко» и вприпрыжку бегу к дверям.

– Лидюша! – останавливает меня голос отца, когда я уже достигла порога. – Поди-ка сюда на минутку.

Что-то необыденное слышится мне в нотах этого голоса, и в одну минуту я перед ним.

– Видишь ли, девочка, – говорит папа, и глаза его смотрят не в мое лицо, а куда-то повыше, на мою голову, где в русых кудрях виднеется голубенький бантик-кокарда, – сегодня к генеральше Весманд со мною приедет одна твоя тетя: моя кузина Ронова... тетя Нэлли... Будь любезна с нею... Постарайся, чтобы она тебя полюбила...

– Зачем? – срывается с моих губ.

Папа теперь уже не смотрит на голубенькую кокарду, а прямо на меня, в мое лицо.

– Тетя Нэлли, как ты сама убедишься, очень хорошая, добрая девушка... Ее нельзя не любить, – говорит он с каким-то особенным выражением.

«Хорошая, добрая девушка». – эхом повторяло что-то в моем мозгу. И ради нее «солнышко» не идет вместе со мною и Лизой на праздник, а придет позднее... Да! Очень хорошо!

И я уже ненавижу эту «хорошую, добрую девушку». Ненавижу всей душой.

Я не знаю, что ответить папе, и в волнении тереблю конец моего голубого пояса, и рада, бесконечно рада, когда тетя Оля зовет меня, и я могу чмокнуть моего отца и убежать...

* * *

– О-о, какая прелестная девчурка! Лидочка, да и выросли же вы как за это время. Ай да девочка! Прелесть что такие, картинка!

– Господа, Лидочка Воронская – моя невеста!

Я быстро вскидываю глазами на шумного, веселого, коренастого человека в стрелковом мундире, с широким лицом и огромной бородавкой на левой щеке. Тут же сидят несколько человек офицеров и дам. Я знаю из них румяного здоровяка Ранского, с огромными усами, и бледного, красивого, чахоточного Гиллерта, который дивно играет на рояле.

Сама генеральша – маленькая, полненькая женщина с белыми, как сахар, крошечными, почти детскими ручонками – спешит навстречу к нам. Она целуется с тетей Лизой, улыбается и кивает мне, представляет нас всем этим нарядным дамам и щебечет при этом, как канареечка.

– Charmant enfant! – говорит она тихонько тете, бросая в мою сторону любующийся взгляд. – И совсем, совсем большая! – тотчас же прибавляет она по-русски.

– И какая хорошенькая! – вторят ей батальонные дамы.

Из них я знав только одну. Марию Александровну Рагодскую, с дочерью которой, восьмилетней, серьезной и черноглазой Наташей, мне приходилось играть.

Я чувствую себя очень неловко под этими перекрестными взглядам смутно сознавая, что не заслужила все эти восторженные похвалы, и что они скорее направлены к тете Лизе, нежели ко мне – что бы сделать что-либо приятное моей воспитательнице. И потому я очень рада, когда на пороге появляется Вова, красный, возбужденный и радостный, как и подобает быть имениннику, и, схватив меня за руку, уводит в сад.

В саду очень шумно и весело. Два кадета, какой-то незнакомый гимназист, потом высокий, худой, как жердь, юнкер кавалерийского училища, Лили, Наташа Рагодская и какие-то еще две девочки, очень пышно и нарядно одетые, играют в крокет. И все говорят по-французски. Я ненавижу французский язык, потому что очень плохо его знаю и потому, что нахожу лишним объясняться на чужом языке в то время, как есть свой собственный, природный, русский.

Вова, со светскою любезностью хозяина дома, живо представляет меня всем. Нарядные девочки чинно приседают мне кавалерийский юнкер небрежно щелкает шпорами, процедив сквозь зубы:

– Bonjour, mademo'selle.

Наташа Рагодская важно подходит ко мне, становится на цыпочки и протягивает губы для поцелуя. Два кадета и гимназист угрюмо кланяются, щелкнув каблуками – за неимением шпор, а Лили встречает меня очень громко:

– Ага! Очаровательная принцесса! Как поживают твои рыцари?

И тотчас же, окинув всю мою фигуру критическим взглядом, говорить:

– Ах, какая ты нарядная! Только, к чему ты так нарядилась? – в этом праздничном платье и атласных сапожках будет очень неудобно играть в саду.

Сама Лили одета очень скромно. На ней род английской фуфайки, какую носят спортсмены, и низко вырезанная еп соеиг белая матроска. На ногах желтые сандалии и такие короткие чулки, что ноги девочки кажутся совсем голыми.

Лили теперь четырнадцать лет, и она ужасно ломается, корча из себя взрослую.

Мне досадно, что она смеется над моим нарядным костюмом, которым все, по моему мнению, должны восторгаться.

– Лучше быть одетой как я, чем ходить с голыми ногами! – отвечаю я заносчиво.

– Ха, ха, ха, ха! – заливается громким смехом Лили. – Ты совсем глупышка. Мои костюм – последнее слово моды, в Англии все девочки ходят так. Это считается там самую последнюю моду – le dernier cris de la mode!

– Какая она наивная, неправда ли, mesdames? – прищурившись с самой отвратительной манерой, прибавляет она, обращаясь к нарядным девочкам.

Нарядные девочки молча, усмеваются. Я вне себя от ярости.

Как она смеет называть меня «наивною»! Меня, принцессу!

– Лучше быть наивной, нежели такой... бесстыдницей, – говорю я дерзко, кивая головой. Лили на ее голые ноги.

– А! – протягивает она значительно, вытягивая слова. – Ты совсем дурочка, право, – и окидывает всю мою фигуру с головы до ног презрительным взглядом. Затем она обращается ко всем с самой любезной улыбкой:

– Еще успеем сыграть до обеда одну партию в крокет. Allons, mesdames et messieurs!

– А ты не будешь разве играть с нами? – подбегает ко мне Володя, видя, что я не иду «мериться» с другими на палке крокетного молотка.

– Не хочу! – упрямо говорю я. – Я ненавижу крокет.

– Очень любезно! – насмешливо цедит сквозь зубы Лили.

– Во что же ты хочешь играть? – допытывается Володя.

Мне он решительно сегодня не нравится. Я вижу, какими он восхищенными глазами смотрит на Лили, как подражает ей, не выговаривая «р» и «и» во французском диалекте, и мне досадно на него, ужасно досадно! К тому же хорошо знакомый мне мальчик-каприз уже около, о бок со мною, и шепчет мне в ухо:

– «Конечно, не стоит играть! Что это за радость бить глупыми молотками по глупым, шарам и смотреть, как они катятся?»

И я говорю, угрюмо и злобно глядя исподлобья:

– Не хочу играть в этот глупый крокет, предпочитаю играть в солдаты.

– Comment? – в один голос вскрикивают обе нарядные барышни и кавалерский юнкер.

– В солдаты, – повторяю я, – что, вы не понимаете, что ли? До того офранцузились, что по-русски понимать разучились.

И я резко поворачиваю им спину.

Громкий хохот служить ответом моим словам. Кавалерийский юнкер хохочет басом, нарядные барышни дискантом, Лили так взвизгивает и трясет головою, что все ее кудри пляшут какой-то своеобразный танец вокруг ее, покрасневшего от смеха, лица. Гимназист и кадеты легонько подфыркивают и поминутно закрывают рты носовыми платками.

И даже серьезная Наташа и та улыбается своей тихой улыбкой.

– Нет! Нет, это великолепно. Une demoiselle и желает играть в солдаты! – кричит юнкер, весь трясаясь от смеха.

Противные!

«Ах, Господи, и зачем меня привели сюда! – тоскливо сжимается мое сердце. – Скажу „солнышку“, что никогда не приду больше».

И, круто повернувшись спиной к «противной компании», как я мысленно окрестила Вовиных гостей, я иду по дорожке сада.

Вокруг меня розы, левкой и душистый горошек. Пчелы и осы жужжат в воздухе. До пригородности, до душноты пахнет цветами.

На повороте аллеи мелькает белый китель отца.

– Солнышко! – кричу я неистово, бросаясь к нему со всех ног, – не бери меня больше сюда, здесь противно и скучно. Солн...

Я обрываю на полуслове, потому что мой отец не один. С ним высокая худенькая девушка с огромными иссера-синими, близорукими глазами, очень румяная и гладко-прегладко причесанная на пробор.

Что-то холодное, что-то высокомерное было в тонком с горбинкой носе и в серых выпуклых глазах девушки.

– Кузина Нэлли. – проговорил «солнышко», поворачиваясь к черноволосой девушке, – вот моя девочка, полюбите ее!

Девушка приставила черепаховый лорнет к глазам и окинула меня очень внимательным взглядом.

– Какая нарядная! – произнесла она сдержанно. Сама она была одета очень скромно во что-то светло-серое. Костюм, однако, безукоризненно сидел на ней.

Она протянула мне руку. Я нерешительно подала свою. Быстрым взглядом обежала она мои пальцы, и вдруг брезгливая улыбка сморщила ее губы.

– По кому ты носишь траур, дитя? – сносила она, слегка улыбаясь.

Я не поняла сначала и робко взглянув на «солнышко». Лицо отца было залито румянцем, в глазах его видно было смущение. Тогда я, недоумевая, взглянула на мои пальцы. Ничего, решительно ничего особенного не находила я в этих тоненьких, красноватых детских пальчиках, если не считать резких черных полосок под ногтями на самых концах. Но взглянув сначала на отца, потом на молодую девушку и, наконец, на мои пальцы, я быстро сообразила, что именно за черные полоски обратили внимание Нэлли и вызвали ее замечание.

И я вспыхнула и смутилась не меньше папы.

– Такая нарядная хорошенькая девочка и такие грязные ногти! – проговорила между тем Нэлли своим бесстрастным голосом, от которого мурашки забегали у меня по спине.

– Как же тебе не стыдно приходить в таком виде в гости? – произнес с укором отец.

– Папа Алеша. – Горячо вырвалось у меня, – Я не виновата... я торопилась...

– Что это? Как она вас называет, Alexis? – спросила удивленным голосом Нэлли. – Папа А-ле-ша! – протянула она, и голос ее дрогнул от затаенного смеха.

Ну, уж это было слишком! Она могла возмущаться моим нарядом, моими грязными ногтями, но... смеяться над тем, как я называю мое «солнышко»! Какое ей до этого дело?

Я уже готова была ответить какою-нибудь неожиданною резкостью, как вдруг из-за поворота аллеи быстро подбежал ко мне поручик Хорченко, один из часто бывавших у нас товарищей моего отца. Это был очень веселый человек, охотно шутивший и игравший со мною. И мы были с ним всегда хорошие друзья.

– Ага, вот вы где, моя маленькая невеста, – проговорил он, вырастая передо мною, как Конек-Горбунок, в сказке, перед Иванушкой. – Осмелюсь надеяться на счастье вести вас к столу? – дурачась и смеясь произнес он, подставляя мне руку калачиком.

Вмиг и моя стычка с детьми, и неприятное знакомство с теткой – все было забыто. Я подала руку моему кавалеру и мы смеясь пошли вперед.

За столом мой веселый кавалер посадил меня подле себя, накладывал кушанья и пресерьезно уверял, что у него в Малороссии, как у злодея Синея Бороды в сказке, четырнадцать жен томятся в подземелье замка и что я буду пятнадцатая. Я хохотала как безумная. Мне было страшно весело.

– А знаете, Михаил Лаврентиевич, – совершенно разойдясь, очень громко проговорила я, бросив торжествующий взгляд на Нэлли, которая сидела визави, около моего «солнышка», – я охотно поехала бы с вами и стала бы пятнадцатой женою Синея Бороды. Ведь вы бы не стали упрекать меня за не совсем хорошо вычищенные ногти, как это думают некоторые классные дамы?.. Не правда ли?

Я увидела, как при этих словах вспыхнуло и без того уже румяное лицо Нэлли – и втайне торжествовала победу.

Обед прошел весело и оживленно. Мне правда, было не совсем хорошо на душе после злополучных сцен в саду, но я умышленно громко разговаривала и хохотала, чтобы показать Вове и его компании, как я веселюсь здесь, как чувствую себя отлично без них.

Вова сидел по соседству с Лили за обедом и внимательно слушал громкий и непринужденный рассказ Лили. Лили держала себя совсем как взрослая. После обеда хозяйка упростила

одного из присутствовавших офицеров сыграть на рояль. Он сел, и через минуту из-под белых длинных пальцев офицера полились чудные звуки. Мне, казалось, что эти, что эти звуки говорили о цветах и небе, таком лазоревом и прекрасном в летнюю пору, и о пении райских птичек, – вообще о чем-то ином, чего еще не могла понять, но уже смутно охватывала впечатлительная, душа маленькой девочки...

Я стояла глубоко-потрясенная, взволнованная... Я забыла все: и стычку в саду с молодежью, и ненавистную Нэлли Ронову, словом все, все... Мне казалось, что я нахожусь в каком-то волшебном чертоге, призрачном и прекрасном, где легкокрылые прозрачные существа витают в голубом эфире и поют чудесный гимн, сложенный из дивных звуков!

Вдруг резкий смех, раздавшийся над моим ухом, точно ножом резнул меня по сердцу.

– Пожалуйста, не проглоти нас, Lydie, ты разинула рот, как акула.

И вмиг, и призрачный чертог, и легкокрылые эльфы – все исчезло. Предо мною стояла рыжая Лили и хохотала до слез над моим открытым ртом и над моим растерянным видом. Но странно, я не рассердилась в этот раз на маленькую насмешницу. Моя голова еще была полна звуков, слышанных только что. Мое сердце горело.

– О, как он играет! Как он играет, Лили! – произнесла я задыхаясь.

– Тебе нравится? – подхватил подбежавший к нам Вова и посмотрел на меня сияющими влажными глазами. – Гиллерт (так звали офицера, игравшего на рояле) – молодец! Только и Лили молодец тоже. Если б ты только слышала, как она играет на гитаре и поет цыганские песни!

– Что? Лили поет? Ах, Лили, спойте пожалуйста. – Восклицали на разные голоса мужчины и дамы, окружив нас. – Пожалуйста, Лили.

В одну минуту появилась откуда-то гитара, кто-то выставил на середину зала стул, кто-то усадил на него Лили, которая отнекивалась и ломалась, как взрослая. Потом привычным жестом рыжая девочка ударила рукою по струнам и струны запели...

Подняв высоко голову и сощутив глаза, Лили пела:

Ей черный хлеб
в обед и ужин...

А потом:

Спрятался месяц за тучку...

и еще что-то.

Все аплодировали, смеялись и кричали браво.

– Не правда ли, великолепно? – спросил, подбежав ко мне, Вова.

– Вот уж гадко-то! – самым искренним голосом вырвалось у меня.

– Ах, какая ты дурочка, Лида, – рассердился Вова, – Лили бесподобна – она поет, как настоящая цыганка. Ранский говорит, что отличить даже нельзя.

– Ну, я не поздравляю настоящих цыганок, если они так каркают, как Лили, – расхохоталась я.

– Ах, скажите на милость! Да ты просто завидуешь Лили, вот и все! – неожиданно заключил Вова.

Завидую? А пожалуй, что и так! Вова сказал правду. Я ненавижу сейчас Лили, ненавижу за то, что все ее хвалят, одобряют, восхищаются ею. Ею, а не мною, маленькой сероглазой девочкой, с такими длинными ресницами, что глаза в них, по выражению Хорченко, заблудились как в лесу. И мне страшно хочется сделать что-нибудь такое, чтобы все перестали обращать внимание на Лили и занялись только мною.

Я думала об одном: вот, если бы сейчас высоко над потолком протянули проволоку, и я, в легкой юбочке, осыпанной блестками, с распущенными локонами по плечам, как та маленькая канатная плясунья, виденная мною однажды в цирке, стала бы грациозно танцевать в воздухе... О, тогда все наверное бы пришли в неистовый восторг, аплодировали мне, как в цирке аплодировали канатной плясунье, и как теперь аплодируют здесь Лили.

– Что с вами? Над чем вы задумались, маленькая принцесса? – слышался над моим ухом знакомый голос.

Я живо обернулась. За мною стоял Хорченко.

– Мне скучно! – протянула я унылым голосом.

– Если только скучно, то этому горю помочь можно! Пойдемте.

И быстро подхватив меня под руку, он повлек меня через всю залу в кабинет хозяина, где я увидела несколько человек офицеров, стоявших в кружок, в центр в которого румяный весельчак Ранский отплясывал трепака.

– Вот видите, как у нас весело! – шепнул мне Хорченко и тотчас крикнул, обращаясь к офицерам:

– Господа, стул принцессе, она хочет смотреть.

– А плясать со мною не хочет? – лукаво подмигнул мне глазом, спросил Ранский, выделяя какое-то удивительное па.

– Ужасно хочу! – вырвалось у меня, самым искренним образом и тут же я добавила мысленно: – «Пусть Лилька „каркает“ в зале, а я тут им так „отхватаю“ трепака, что они „ахнуть“».

И, не дожидаясь вторичного приглашения, под общие одобрительные возгласы, я вбежала в круг и встала в позу.

Вмиг откуда-то в руках Хорченко появилась гармоника и бойкий мотив «Ах, вы, сени, мои сени» понесся по комнате.

То отступая, то подбегая ко мне, Ранский подергивал плечами, выворачивая ноги, мотая головою и вдруг разом грянулся на пол и пошел в присядку. Точно что ударило мне в голову... Дрожь восторга пробежала по моим жилам и я полетела быстрее птицы, описывая круги, взмахивая кудрями, с которых давно уже упала голубенькая кокарда, и вся ходуном ходя от охватившего меня огня пляски.

– Ай да Лидочка! Ай да принцесса! Молодцом! Молодцом! – кричали то здесь, то там в тесно обступившем нас кружке зрителей.

«Ага, чья взяла, рыжая Лилька? Твое глупое карканье или моя пляска?» – молнией промелькнула во мне торжествующая мысль и, прежде чем кто-либо успел остановить меня, я, по примеру моего партнера Ранского, пустилась в присядку. Вся тонкая, ровная и ловкая, как мальчик, я отбивала дробно и мелко каблуком, отбрасывая ноги то влево, то вправо, то подскакивая на пол-аршина от земли... Этому уж меня не учил «солнышко», этому я случайно выучилась от денщика Петра, когда он плясал как-то у кухонного крыльца в одно из воскресений.

Щеки мои горели, как жар, глаза блестели, растрепавшиеся волосы бились по плечам. Я слышала шумные возгласы одобрения, восторга – и вдруг... внезапно над моим ухом прозвучала фраза:

– Боже мой! Да неужели же это ваша девочка, Alexis? И я увидела «солнышко» о бок с Нэлли Роновой на пороге. Никогда не забуду я выражения лица моего папы. Мне казалось, что он готов был провалиться от стыда сквозь землю. А в глазах Нэлли Роновой отразился такой красноречивый ужас, что мне даже страшно стало за нее.

«Солнышко» быстро подошел ко мне, нагнулся к моему уху и шепнул сердито:

– Ты сейчас же отправишься домой.

«Вот тебе раз! После такого успеха и вдруг...» Я больно закусила себе губы, чтобы не расплакаться от жгучего чувства стыда и обиды. Когда я шла мимо Нэлли, она сказала:

– Можно ли так воспитывать девочку, Alexis? Это дикарка какая-то, мальчишка! Право, ее следовало бы отдать в институт!

– Да, да! – как-то особенно быстро произнес папа, – я отдам ее будущей осенью в институт, только надо будет раньше пригласить гувернантку, чтобы ее подготовила.

«Ага! Опять гувернантка... и институт вдобавок... И все из-за этой непрошенной тетушки!»

Как я ее ненавижу...

Противная!

ГЛАВА IV

Мои добрые феи. – Большая неожиданность. – Катишь

«Черная, толстая, белая или худая будет у меня гувернантка? Маленькая, как карлица, или высокая, как жердь?» Вот вопросы, которые мучили меня всю дорогу от Царского Села до Петербурга, когда мы ехали с тетей Лизой в Николаевский институт, где мы должны были встретить новую гувернантку, которую выбрал мне «солнышко». Она, как объяснила мне тетя Лиза с какою-то особенно загадочной и таинственной улыбкой, живет в этом институте. По словам тети она злая, строгая, старая дева с длинным носом и сердитым голосом. Я заранее уже решила ненавидеть ее. И всю дорогу из Царского я измышляла способы, как бы насолить противной гувернантке, втайне досадуя на «солнышко», что он мне выбрал такую.

Приехав в Петербург, раньше чем отправиться в институт, мы заехали отдохнуть и закупить на Николаевскую улицу, где жили постоянно мои тети Лина и Уляша.

– Тетя Лина! Тетя Уляша! – вскричала я, лишь только Матреша, тетина прислуга, открыла нам дверь, – вы слышали новость? У меня гувернантка будет и в институт меня отдадут. Это тетя Нэлли так посоветовала, Нэлли Ронова. Вы знаете ее?

При этом имени все мои три тети переглянулись с каким-то совершенно непонятным для меня выражением. Они сидели все трое тут в ту минуту, когда маленькая сероглазая девочка ураганом влетела в их уютную светлую столовую. Тетя Лина, по-своему обыкновенно, плела бесконечное кружево на толстой, набитой песком подушке с бесчисленными коклюшками. Крестная, моя любимица Оля, шила что-то у окна в то время как Юля или, как я ее называла, Уляша тщательно резала колбасу на тарелке маленькими, тоненькими ломтиками.

Уляша занималась хозяйством, и весь дом был у нее на руках. Я ее вижу, как сейчас, очень высокую, полуседую, с мистическим взглядом несколько испуганных черных глаз, с безумной приверженностью ко всему таинственному. Милая Уляша! Она, сама того не замечая, поддерживала во мне, ребенке, ту же любовь ко всему сверхъестественному, которое жило в ее душе. Она единственная из теток знала историю серой женщины, являвшейся мне постоянно в трудные моменты моей жизни...

– Гувернантка? – произнесла Линуша и ее полные щеки запрыгали от внутреннего смеха. – Да мы давно знаем твою гувернантку!

– Она старая? – спросила я, вся сгорая от нетерпения, – Неправда ли, Лина?

– Ужасно! – расхохоталась Линуша, – Совсем ветхозаветная, уверяю тебя!

– И нос у нее крюком, как у птицы, – добавила Оля.

– И глаза выпуклые и злющие, как у совы! – присовокупила тетя Лина.

– Оставьте! Что вы волнуете даром девочку. Она и без того нервна и впечатлительна без меры, – произнесла с укором тетя Уляша.

– Пойдем лучше убираться в туалете, Лидюша! – предложила она мне.

Ах, этот туалет! Чего-чего только там не было! И изящные коробочки, оклеенные раковиной, и фарфоровые пастух и пастушка, и костяная ручка на палке, которая употреблялась нашей прабабушкой, чтобы чесать спину, и «монашки». Последние интересовали меня больше всего. «Монашками» мы с Уляшей называли благовонные угольки, употребляемые для курева в комнате. Я их очень любила, они так хорошо пахли. Тетя зажгла их и поставила на пепельницу. Я смотрела, как медленно таяли они под влиянием пожирающего их огонька. «Монашки» тихо пепелились и таяли у меня на глазах, в то время как тетя Уляша говорила:

– Не огорчайся, что тебя отдадут в институт, девочка. Там тебе не будет скучно. Там ты будешь расти среди подруг-сверстниц. Это гораздо веселее, нежели одной. Играть будете, вместе гулять, заниматься.

Действительно недурно, если все случится так, как говорит Уляша, но... вот одно скверно: гувернантка. Кому приятно, спрашивается, иметь гувернантку – старую деву с крючковатым носом и совиными глазами? Я уже готова была поподробнее расспросить о ней тетю Уляшу, но тут появилась на пороге моя вторая тетя, Лиза, и сказала, что пора ехать.

Мы отправились. От Николаевской улицы до набережной Фонтанки, где находился институт с его чудовищем, я все время не переставала думать о той, которая волновала мое воображение. На мои расспросы, обращенные чуть ли не в сотый раз к тете Лизе о том, какова гувернантка, та отвечала только со своей значительной таинственной улыбкой:

– Стара... желчна... резка и сердита...

Когда мы подъехали к большому красному зданию на Фонтанке, на котором значилась надпись: «Николаевский институт», я уже ненавидела невидимую гувернантку гораздо больше Нэлли Роновой.

– Барышни в саду! – проговорил открывший нам дверь швейцар, которого я приняла за очень важную фигуру, и, наверное, сделала бы ему реверанс, если бы тетя Лиза не удержала меня вовремя от этого. Он повел нас по длинным коридорам с высокими окнами куда-то в самый конец его, где за стеклянную дверь зеленели деревья, и целый рой крошечных существ носился, подобный бабочкам, по большой садовой площадке. Едва я и тетя Лиза сошли по каменным ступеням за усыпанную желтым песком эспланаду, белые крошечные девочки окружили нас.

– Новенька! mesdam'очки, новенькая! – пищали они тоненьким голоском.

– Нет, не новенькая, – улыбаясь им, отвечала тетя, – мы случайно здесь... А вот не скажете ли нам, где находятся пепиньерки?

– На последней алле! На последней аллее пепиньерки! – затрещали девочки все разом, оглушив нас своими пронзительными голосами.

Я не могла удержаться, чтобы не спросить тетю, что это такое «пепиньерки». Она объяснила мне, что это воспитанницы, уже окончившие институт и остающиеся в нем для того только, чтобы подготовиться в учительницы.

Мы с трудом пробрались через толпу девочек на большую липовую аллею, где ходили парно и в одиночку молодые девушки в серых платьях, с книгами или с работой.

– Зачем нам нужно идти к ним? – тихо спросила я тетю Лизу.

Но она не успела ответить мне, потому что в одну секунду мы были окружены целым десятком молоденьких созданий, смеющихся и серьезных, веселых и меланхоличных, черненьких, белокурых, светлоглазых и чернооких, словом – всевозможного вида и типа.

– Ах, какой славный ребенок! Смотрите, mesdam'очки!

– Очарованье!

– Прелесть!

– Душонок!

– Восхищение!

Так кричали они хором, набрасываясь на меня, точно в жизни своей не видели маленькой девочки.

– У нее поразительные глаза, mesdames! – произнесла высокая бледная девушка с длинным лицом.

– Точь-в-точь как у королевы Марии-Антуанетты, судя по картине...

– Нет, у Екатерины II были такие же, – произнесла черноглазая красавица с восточным лицом.

– А ресницы, mesdames! Ресницы, точно стрела.

– «И тень от длинных ресниц упала на бледные щеки юной красавицы», – продекламировала толстенькая брюнетка с вздернутым носиком и мечтательными глазами.

– Душонок! Divinite! Восторг, что за ребенок! – и снова град поцелуев посыпался на мою голову, щеки и губы.

Я чувствовала себя в положении зверька, которого рассматривали и тормозили все эти милые, но совсем чужие мне, девушки. Горячий румянец пятнам проступил у меня на щеках. Я готова была уже просить тетю Лизу уйти отсюда, как вдруг нежный, чарующий голос раздался за нами:

– Ну, что вы мучаете девочку, совсем затормозили бедняжку, – сказал кто-то позади нас. Я быстро обернулась.

Небольшая, полная девушка: миловидная, с огромными тоскующими глазами и очаровательнейшей улыбкой стояла передо мною. Она была далеко не красавица, но что-то необъяснимо-милое было в этом смуглом личике покрытом еще пушком юности, в нежно очерченном свежем ротике и в пленительной, ласково-грустной улыбке.

– Ах, какая прелесть! – произнесла я, глядя на смуглую девушку восторженными глазами.

Все рассмеялись невольно – и серые девушки, и тетя Лиза. Потом тетя Лиза спросила у пепиньерок:

– А m-lle Грейг можно видеть?

– Mademoiselle Грейг и есть, верно, та старая дева, которую мне берут в гувернантки? – спросила я самым невинным тоном, не обращаясь особенно ни к кому.

– Нет, m-lle Грейг – гувернантка этих барышень, – едва удерживаясь от улыбки, произнесла тетя Лиза, – а твоя будущая наставница находится в кругу этих барышень... Она здесь среди пепиньерок...

Я не верила своим ушам.

– Как! – вскричала я радостно. – У меня не будет злой старой девы с крючковатым носом и совиными глазами?

– Не будет! – лукаво улыбнулась черноглазая красавица, особенно нежно поглядывающая на меня, – если ты сумеешь угадать, которая из нас Катишь Титова, твоя гувернантка, приглашенная твоим отцом в ваш дом...

– А! – протянула я, и смело тряхнула кудрями (привычка, к которой я всегда прибегала в самые затруднительные минуты жизни). И тотчас же глаза мои забегали по окружающим нас молодым лицам. Вот черноокая смуглянка, первая из говоривших со мною... Она очень красива, очень добра... но я бы не хотела ее иметь гувернанткой. Слишком уж великолепна она...

Вот белокурая девушка с мечтательными, восторженными глазами, нашедшая сходство моих глаз с глазами казненной французской королевы. То же не то. Эта так и душит меня своими поцелуями. Надоест мне очень скоро.

Вот серьезная, бледная, длинносица девушка, но она так нервна и болезненна на вид, что, наверное, не сделает шагу со мною по саду от головной боли... Вот рыженькая, вот шатенка, опять белокурая... Которая же из них?

Вдруг глаза мои встретились с нежными тоскующими глазами. Очаровательная улыбка блеснула мне каким-то сиянием и утонула тотчас же в удивительно глубоком взоре.

О, как могла я еще сомневаться и выбирать! Как могла я искать среди других ту, улыбка которой покорила меня в первую же минуту!

– Катишь – это вы! – вскричала я громко, со всего размаха кидаясь на шею милой смугляночки.

– Отгадала-таки! Как это ты отгадала, девчушка моя ненаглядная? – прозвучал ласково надо мною ее чарующий голос, и до слез растроганная пепиньерка Екатерина Сергеевна Титова крепко сжала меня в своих объятиях.

ГЛАВА V

Кузины. – Жертва Катишь. – Страшная ночь

Поздние розы цветут и благоухают... Небо нежно голубеет над сиреневой беседкой, где мы сидим обе – я и Катишь... Катишь чуть ли не в сотый раз объясняет мне сколько видов причастий на русском языке, а я смотрю осовевшими глазами на красивую зеленую муху, попавшуюся в сети паука.

Хотя уже начало сентября, но теплынь такая, что мы целый день проводим на воздухе – учимся, читаем и обедаем в саду. Учусь я значительно лучше. Решено, что в середине зимы, как только я подготовлюсь, меня отвезут в Петербург, в институт, но не в Николаевский, где воспитывалась Катишь, а в Павлинский. Я это отлично знаю и ничуть не огорчена этим. Катишь сумела привить мне интерес к той таинственной жизни, где несколько сот девочек развиваются среди подруг. И потому я заранее знаю, что меня полюбят там и мне будет хорошо. Разве можно не полюбить «маленькую принцессу?» Не даром Катишь голову потеряла с первых же дней от моего ума, находчивости, резвости и пр. и пр. и пр.

Вот только насчет уроков... Все мне не даются противные спряжения и эти причастия и деепричастия! Но Катишь терпелива, как ангел, и всегда сумеет увлечь меня. Зато я люблю ее ужасно, мою милую Катишь! Она такая молоденькая, миленькая, кроткая и скорее друг мне, нежели гувернантка. Вот вам и старая дева с крючковатым носом! Теперь я знаю, что тети нарочно запугали меня, чтобы преподнести мне приятный сюрприз в виде молоденькой и хорошенькой гувернантки. С Катишь я стала учиться прилежнее. Вот только сегодня мне что-то не везет. Но я знаю отчего. К нам приехали кузины, бывшие институтки, Оля и Вера Соснины. Оля – подруга Катишь по институту. Вера – бывшая «Павлушка», воспитанница Павловского института, т. е. такая же, какой сделаюсь и я. Они обе такие милы, жизнерадостные, свежие. Они весь дом наполнили своими молодыми голосами. С тех пор, как они у нас, стрелки-офицеры проводят у нас целые дни. Даже Хорченко отстал от меня и перестал меня дразнить своею невестой и не отходит от Веры, стройной красивой, белокурой девушки с бойкими глазами и с такой толстой косою, что все невольно ахают при виде ее.

Оля – та в другом роде. Есть что-то меланхоличное в ее томных серых глазах, в грациозных, размеренных движениях. Вера очень хорошенький боец, разбойник; Оля же очаровательна своей женственностью. Я ужасно их люблю обеих!

Вот они ходят по саду обе. Вера хохочет и закидывает назад голову, и без того отягощенную ее гигантскою косою. Оля улыбается, и ее нежный голосок звенит по всему саду. Я знаю о чем они говорят: сегодня бал в Белом доме и все они едут туда и тетя Лиза, и кузины, и Катишь. «Солнышка» не будет. Он уехал в Гатчино сделать визит родителям этой противной Нэлли Роновой. Он приедет завтра, а пока... О, эти противные причастия и деепричастия!..

– А... га! вы еще учитесь, маленькая мученица! – заглянув к нам в сиреневую беседку, говорить Хорченко. – Да бросьте вы ее терзать, Екатерина Сергеевна! – говорить он, умоляюще глядя на мою воспитательницу, – ведь уморите девочку. Смотрите, позеленела вся.

– Не правда! – защищает меня Вера, – вовсе не позеленела, а по-прежнему розанчик! Целуй меня, душка.

Я чмокаю Веру, потом заодно и Катишь.

– Учиться больше не будем? – говорю я голосом, в который вкрались все семь умильно-ласковых нот разом.

Против этих ласковых нот Катишь не устоять ни за что на свете. Грамматика захлопнута и я присоединяюсь к веселой компании со своей гувернанткой.

– А вы знаете? Вчера ночью квартиру Сумарокова ограбили! – говорю я, задыхаясь от нетерпения высказать все, что узнала сегодня утром и хочу рассказать всем подробности, которые я успела узнать, но оказывается, офицеры уже знают эту свежую новость.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.